

ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ

СОНЯ ФРЕЙМ

Выбор читателей Wattpad

18+

Соня Фрейм
Опасный возраст

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Фрейм С.

Опасный возраст / С. Фрейм — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107833-1

В шестнадцать лет мы не задумываемся о будущем. Мы не знаем, чем будем заниматься и какими людьми станем. Нас не беспокоит то, к каким последствиям могут привести наши поступки. Пока эти последствия не наступают нас. В шестнадцать лет мой мир слетел со своих координат, и отныне шуточки кончились. Меня зовут Сергей, и я расскажу вам про самый важный год в моей жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-107833-1

© Фрейм С., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Саша. Театр теней	7
Алина. Увидимся во сне	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Соня Фрейм

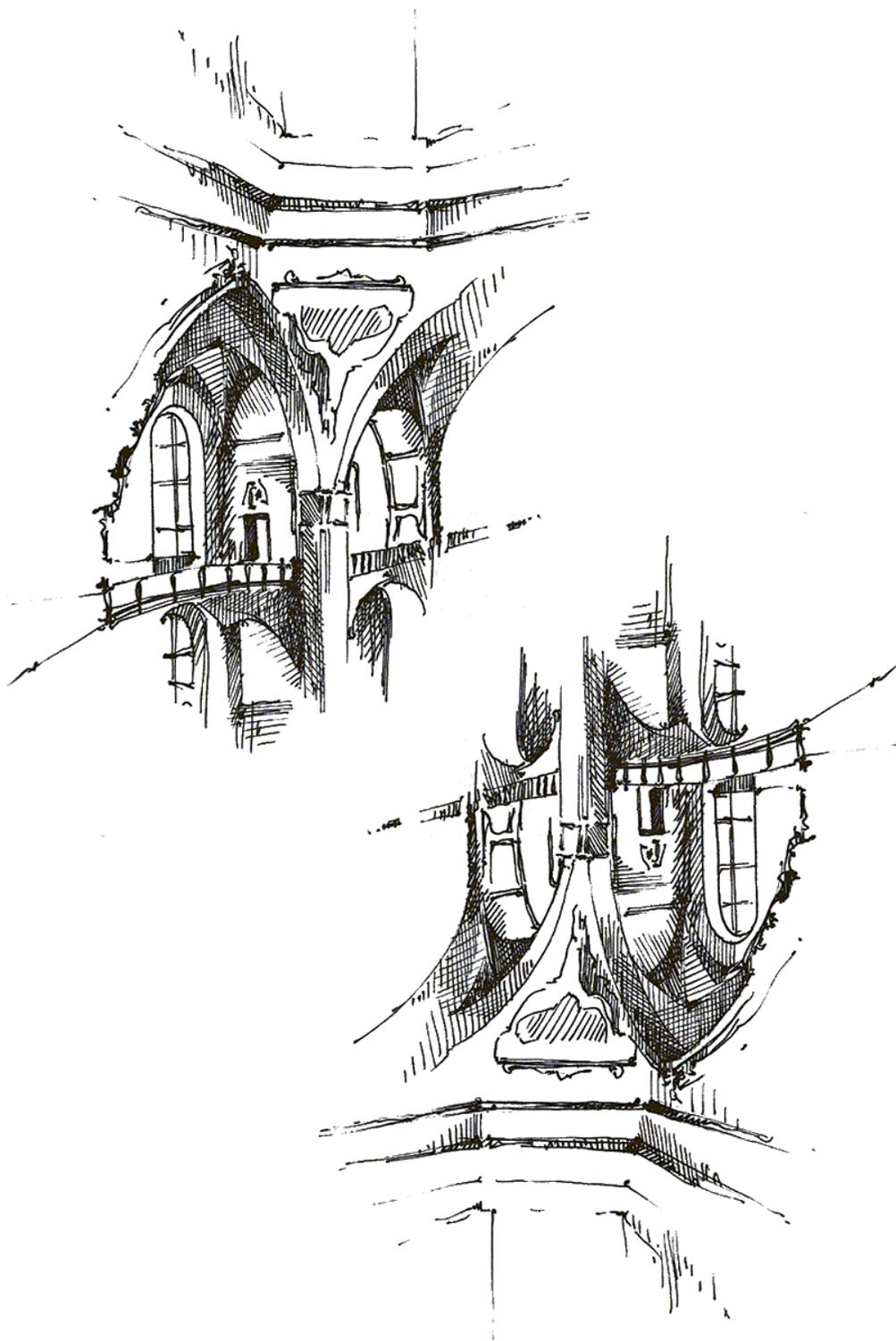
Опасный возраст

Иллюстрации в тексте Наталии Енжеевской-О.

© Соня Фрейм, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Я посвящаю эту книгу маме.
Именно она больше всех пострадала от моего опасного возраста.
Пусть этот роман будет маленькой просьбой о прощении.*

Саша. Театр теней

САША.
ТЕАТР ТЕНЕЙ

*Cause on top of the world is where I'm from,
The back of the class is where I was.
Keeping quiet, playing dumb.
Can't you see these skies are breaking?
Cause the back of the class is where I'm from.*

*Потому что я пришел с вершины мира,
А был за последней партой в классе.*

*Сидел тихо, изображал дурачка.
Ты не видишь, как разверзаются небеса?
Потому что с последней парты – вот откуда я пришел.
Placebo “One of a kind” / «Один в своем роде»*

1

Я не думаю, что Саша хотел привлечь внимание своим самоубийством. Но с такими вещами иначе не бывает. Сложно сохранить в тайне собственную смерть, если вам шестнадцать лет, потому что смерть подростка всегда трагична и ужасна. А если вы сводите счеты с жизнью после тридцати, большинство людей только разведет руками и скажет, что вы – псих.

Так что, когда Саша повесился, об этом узнали все в один миг, и сложно сказать, чего было больше: испуга или какого-то нездорового ажиотажа. Это случилось в начале декабря, в ночь перед его днем рождения. В квартире больше никого не было: говорят, его предки свалили куда-то по делам.

Надо в таких случаях прятать все веревки, ножи и спички.

В шестнадцать лет может произойти что угодно.

Сашу обнаружили днем. «Повезло» соседке. Она увидела, что дверь квартиры приоткрыта, и решила узнать, в чем дело. Я все еще иногда гадаю, специально ли Саша оставил ее незапертой.

Так вот, она зашла, а потом включилось предчувствие. Эта разновидность предвидения зависает в особенной тишине комнаты, в которой дрожат отголоски чьей-то разрушенной жизни, и очень хочется уйти... Но приходится идти вглубь квартиры, по коридору, оклеенному голубыми обоями.

Чтобы дойти до конца и увидеть Сашу.

Следующим был Ян, наш одноклассник, живший с Сашей в одном доме. Он как раз спускался по лестнице, когда услышал крик, и тоже ринулся в этот злосчастный дверной проем – в сердце трагедии, манящей к себе каждого.

Мне кажется, что Саша не из тех людей, которые любят устраивать шоу из чего бы то ни было. Он всегда был скромным и избегал любых публичных проявлений своего существования. Вряд ли его самоубийство было продиктовано той же скромностью, но думаю, он не хотел широкого освещения.

Самоубийство – это что-то очень личное.

Однако в таких ситуациях есть множество сходящихся неизбежностей, и одна из них – крики соседок.

Другая – появление любопытствующих вроде Яна.

Третья неизбежность – в непередаваемом ужасе родителей, которым эта новость перекроет кислород.

В тот день я убедился в расхожей истине, что самоубийство ко всему прочему – еще и очень эгоистичный шаг. Самоубийцы заставляют других быть причастными. Они тащат за собой в эту черную дыру, и ты падаешь следом, хотя все еще жив.

Большинство людей избегает мыслей о смерти, потому что им хочется жить – и я их понимаю.

Третьим, кто увидел его тело в петле, был я. Я пришел поздравить его с днем рождения. Возможно, мы бы пошли в кино или прогулялись вдоль речки. Вместо этого мне пришлось смотреть на его труп, и в тот момент я почувствовал, что что-то во мне летит в зияющую пропасть.

Ту часть себя я так и не смог восстановить. Она куда-то ушла вместе с Сашей.

– Ну, что скажешь? – Ян разглядывал меня исподлобья, прислонившись к стене подъезда. Вокруг ходили люди и переговаривались, с недоверием и ужасом посматривая в сторону приоткрытой двери квартиры.

Я перевел на него взгляд, чувствуя, что слов нет. Внутри что-то колыхалось, как тревожное море, хотя внешне я оставался спокоен. Ян тоже не особо волновался, на его губах даже скакала какая-то ухмылка. Он пытался казаться саркастичным и невозмутимым, но выглядело это жалко.

– Представляю, каково тебе, – покачал он головой. – Как-никак вы дружили.

2

На самом деле это сложно объяснить, но я бы не осмелился назвать мое общение с Сашей дружбой. Было бы точнее сказать: мы хорошо друг к другу относились.

Для каждого класса типично, что изгои начинают вынужденно общаться или даже имитировать какую-то солидарность. Те, кто слабее, делают это потому, что не хотят оставаться одни, ведь тогда их статус станет совсем невыносимым. В отстое всегда легче, когда вас хотя бы двое.

Я люблю называть вещи своими именами. Мы с Сашей были аутсайдерами. Таких как я обычно сажают за самую дальнюю парту и стараются не трогать, а таких как Саша щиплют и колют из злого веселья. Его беспомощность была провоцирующей. Он не возражал, да и противопоставить ему было нечего.

Мы начали общаться прошлым летом. До этого жили в разных мирах. Но так получилось, что родители сослали нас в один лагерь, полагая, что необщительные дети нуждаются в насильственной социализации. Там мы и встретились.

Лагерь находился на берегу лазурного озера, и вода в нем была как жидкий лед. Помню, что вдали виднелись бледные контуры гор, а небо переливалось всеми оттенками синевы. Большую часть времени я бродил по округе в наушниках, избегая командных игр и намеренно игнорируя походы. Мне нравилось, когда меня окружала природа и я чувствовал на своих голых руках ветер. В такие моменты мне казалось, что я живу другой жизнью.

Саша тоже шатался как неприкаянный. Его никуда не брали из-за астмы, и он не знал, что делать со своей свободой.

Мы столкнулись в каком-то поле, да так и проторчали там целый день, валяясь в сене. Почти не говорили: он был из тех людей, с которыми можно молчать, не испытывая неловкости. А если и болтали, то о всякой ерунде: еде в столовой, нашей идиотской школе и прочем.

Так стало повторяться изо дня в день. Мы никогда не сговаривались, но сталкивались в одном и том же месте после полудня. Это превратилось в странный ритуал: приходиться в поле, чтобы найти друг друга и молчать.

В его безмолвии таилось много смыслов. Одним из них была благодарность, что мы могли хранить тишину вместе.

Я представлял, что неплохо его узнал. Он казался понятным человеком, хотя определенно в нем существовала пара закрытых дверей. Я хорошо разбирался в людях, и то, что я думал о нем раньше, так или иначе подтвердилось.

Саша. Интроверт с задней парты. Их пруд пруди в каждой школе. Говорят, у них неразвитые коммуникативные навыки. *Комплексы*. Для них не осталось никакого выхода, кроме как закрыться в своем внутреннем мире: так они не чувствовали боли во внешнем.

Саша. Слишком мягкий, пассивный, может быть, даже инфантильный, но не лишенный понимания сути вещей. Он весь был в своих увлечениях, так называемых странноватых хобби, заменивших ему друзей. Он конструировал роботов, читал научную фантастику и почему-то разбирался в трип-хопе. Не имея возможности общаться со сверстниками, – вернее, будучи

ими отбракованным, – Саша компенсировал это поглощением информации и накоплением бесполезных, но занимательных знаний. Например, изучил названия всех рыб на латыни.

Свои проблемы с классом он обсуждать не любил, да и я никогда не лез к нему в душу. В целом он был отзывчивым и неглупым парнем. Просто у него не заладилось общение с другими.

Самое запоминающееся случилось в конце сезона. Все собрались на главной поляне, готовясь к прощальной вечеринке, а мы слиняли, чтобы поторчать на озере. Вода постепенно темнела, и багровый горизонт медленно сужался в сумерках. Мы стащили из кухни пару бутылок лимонада и распили его вдаль от всех. Это было хорошее завершение лета.

Потом под грохочущую вдаль музыку мы бесцельно брели по пляжу, и наши ноги увязали в рыхлом, немного грязном песке, в котором пестрели бутылочные крышки.

Так мы дошли до высокого забора. Кто-то из лагеря говорил, что он проходит и под водой и под ним невозможно проплыть. За ним находился дорогой пансионат, и периодически на той стороне виднелись силуэты девушек в купальниках.

Из любопытства мы подошли вплотную и увидели, что это обычное ограждение на пирсе, и уж точно там ничего нет под водой.

– Они бы еще придумали, что по нему проходит электрошок, – поиздевались мы над глупыми слухами... и полезли.

Делать все равно было нечего, а на той стороне сейчас вроде бы никого не виднелось. К тому же пирс был в несколько ярусов, и в тот момент ничего не казалось привлекательнее маленького ночного приключения.

Чтобы перелезть через прутья, надо было дойти до середины пирса по внешней стороне, где виднелся довольно широкий проем. Несколько метров пришлось ползти над водой, и темная бездна под нами колыхалась как живая. Саша двигался за мной, намертво вцепившись в прутья, и я чувствовал его страх.

– Давай назад, – предложил он. – Опасно. И спялят еще.

– Да брось, кто нас поймает?..

Тогда я не обратил внимания на его поведение. Саша был против, но все же пошел за мной. Впоследствии я узнал, что он всегда так делал. Он много чего не хотел, но никогда не мог сказать «нет».

И тут мне в лицо ударил свет фонаря.

Краем глаза я заметил, что Саша мигом присел на внешней кромке пирса, как член спецназа.

– Это еще что такое?

Нас засекла охрана.

– Добрый вечер, – сказал я, спокойно глядя в слепящий круг. – Мы бы хотели походить по вашему пирсу.

– Пирсу?

– Ну да. Можно?

Раздался приглушенный смешок, и тот, кто стоял за бельмом фонаря, сказал:

– Ну давай, лезь, парень... Не вниз же тебе прыгать.

Саша чуть ожил и проследил за тем, как я поднимаюсь вверх. У края замер охранник в форме. Я махнул ему рукой, и тот добродушно хмыкнул. Где-то сзади раздалась возня. Саша поднимался вслед за мной.

– Только недолго, – предупредили нас.

Я кивнул и прогулялся туда и обратно. Отсюда небо, усыпанное звездами, казалось ближе, а прямо над нами висела полная луна. Мы глядели то вверх, то вниз и не могли насмотреться.

– Здорово, да? – спросил Саша.

Я кивнул. Как мало, оказывается, людям нужно, чтобы почувствовать себя частью чего-то большего...

Внизу мы уловили какое-то странное движение. Я увидел, что охранник отставил в сторону свой фонарь и размотал удочку. Затем закинул ее в воду и, кажется, совсем про нас забыл.

Саша наблюдал за тенью его рук какое-то время, а затем вдруг последовал неожиданный вопрос.

– Он изображает театр теней?

– Ты что, серьезно? – Я чуть не рассмеялся. – Глаза разуй... Он ловит рыбу.

Саша пригляделся и поскущел.

– А-а-а...

Я усмехнулся. Он и впрямь был не от мира сего. Из всего на свете этот чудак подумал про театр теней, хотя на ум приходил миллион рациональных объяснений.

– Жалко. А я могу. Смотри.

Он вытянул длинные ладони, и свет фонаря тут же отбросил косую линию. Саша оттопырил пальцы и изобразил попугая. Затем поднырнул другой рукой, и сложенные кисти разомкнулись как пасть. Попугая сожрали.

Я издал дурацкий смешок, и Саша – тоже. Так мы посмеялись непонятно над чем, и я окончательно уяснил, что мой новый приятель – с причудами.

Мы попрощались с охранником и вернулись в лагерь. Та маленькая авантюра осталась нашим единственным общим секретом. В автобусе мы сели рядом, и между нами возникло чувство какой-то общности. Возможно, тогда мы действительно были друзьями на одну ночь.

– Слушай, Серый... А как тебе хватило духу так нагло попроситься на пирс?

Я перевел на него недоуменный взгляд. Похоже, его действительно интересовал этот вопрос.

– Да не знаю. Ляпнул первое, что пришло в голову.

– И ты не боялся?

– Ну не в воду же нам прыгать...

– Ну да, – согласился Саша.

Мы разъехались по домам и какое-то время толком не виделись.

Следующий эпизод столкновения с ним лицом к лицу уже был разительно другим.

Февраль. Я захожу в школьный туалет и вижу, как местные дебилы окружили Сашу, который метался между ними как раненая птица. Его глаза беспомощно и подслеповато шурились, пока не уткнулись в меня, застывшего в дверях.

– Пустите, пожалуйста, – бормотал Саша. – Я просто в туалет. Тут же уйду.

– А кто тебя держит? – глумливо спросил Кирилл. – Иди, пожалуйста.

И они все дружно загоготали, не выпуская его из круга. Саша попытался пройти, но те сгрудились плотнее.

Взгляд Саши снова беспомощно скользнул по мне, и в нем словно прощально взмахнули чьи-то крылья... Господи, как же он боялся этих идиотов.

– Отвалите, – сказал я. – Что, уже в теремок не с кем играть?

Они по очереди лениво обернулись. Лицо Кирилла слегка потемнело.

– Секьюрити пожаловало...

Я грубо отодвинул того, кто стоял ближе ко мне, и буквально выдернул Сашу из их круга. У него были тонкие, почти невесомые запястья. Я не почувствовал его веса: он как пушинка перелетел с одного места на другое.

– Серый, тебя что, звали? – набычились они.

Саша бесшумно выскользнул из туалета, и это было самое умное, что он мог сделать. Кирилл подошел ко мне вплотную, раздумывая. Я никогда их не боялся, и в венах начала закипать злость.

– Что так близко? – сказал я ему, потому что тот почти дышал в лицо. – Я же могу решить, что ты хочешь меня поцеловать.

Тот резко толкнул меня, но в туалет вошел физрук, и они мигом слиняли. Конфликт замялся, и продолжения у него не было. Самым важным, что я запомнил о том дне, был взгляд Саши: затравленный, панический, искавший у меня поддержки.

И я ее давал как мог. Стал звать его с собой шататься по городу. Наблюдал за ним изда-лека в школе. Двигал этих баранов от него, когда они борзели.

Я чувствовал за него какую-то необъяснимую ответственность. Словно в тот момент в туалете, когда он испуганно уставился на меня, а я – на него, мы заключили безмолвный кон-тракт.

Мы часто торчали в фуд-корте торгового центра, где обычно маялось полшколы, и обсуж-дали отстраненные от жизни вещи. Мы никогда не говорили откровенно. Возможно, не дове-ряли друг другу или же просто не видели в этом смысла. То время на берегу лазурного озера было лучшим из всего, что мне довелось пережить с Сашей.

Потом наше общение вдруг приобрело привкус плохо скрываемого отчаяния. Дружба от безысходности? Тогда это и не дружба вовсе.

Возможно, именно благодаря Саше я понял, как на самом деле боюсь и ненавижу оди-ночество.

3

– Что скалишься? – поинтересовался я, тоже прислонясь к стене.

Пальцы на автомате нащупали в кармане куртки пачку сигарет.

Улыбка Яна на мгновение погасла.

– А ты больно дерзкий. В штаны не наложил при виде трупа?

Я закурил и выпустил в потолок струю дыма.

– А ты? – спокойно поинтересовался я в ответ.

Ян поморщился и тоже вытащил сигареты. Нам в тот момент было наплевать на всех, а им – на нас.

– Такое дерьмо... – непонятно к чему сообщил Ян. – И зачем... Ты... знаешь?

– Нет.

– Но вы же дружили.

– Он что, должен был мне позвонить, прежде чем полезть в петлю?

– Я в том плане, что, может, у него были какие-то проблемы.

Я потер переносицу большим пальцем и честно ответил:

– Не знаю.

Губы Яна скривились, обнажая щель между зубами, и он недовольно спросил:

– Да что вы за друзья, мать вашу?

– Мы ими и не были.

– Да не гони. А, впрочем, какая разница...

И он покачал головой. Я не понимал, почему торчу с этим придурком на лестничной площадке. Мне хотелось сорваться с места, понестись прочь по промозглым улицам вдоль бес-конечных витрин и оказаться на каменной дамбе над замерзшей рекой.

«Ну почему ты это сделал? Почему действительно мне не сказал? Да почему...» – про-неслась в голове мысль без начала и конца.

Возможно, Ян прочитал что-то в моем взгляде, отчего в его лице зажглось какое-то саль-ное любопытство.

– Ну, теперь прикинь, что начнется, как все на уши встанут, – с непонятным удоволь-ствием сообщил он.

– У вас же нет других развлечений.
– Что значит у нас? – нахохлился он. – Кто это вообще «мы»?
– Вы – сборище извращенцев, которые считают, что смерть какого-то неудачника – повод потрындеть.
– Все так делают. Не плакать же нам. Он мне лично никто.
– Так приятно притворяться циниками? – Я не упустил случая поддеть его еще раз.
– Цинизм – это нормально. Сейчас нет ничего святого, – со знающим видом заявил он, сощурившись.
– Да вы обсираетесь на самом деле. Только делаете вид, что все равно. Лишь бы не думать, что вам до чертиков, до жути страшно, что смерть рядом. Смех ваш – вот что нормально. Говорят, он прогоняет страх.
– Да пошел ты! – Ян слегка поперхнулся. – Вообще больной на всю голову! Еще хуже, чем Саша. Тот хоть как-то пытался вписываться, а ты – просто отморозок.
– Зато я делаю что хочу, – пожал плечами я.
Докуривать расхотелось. Я затушил сигарету ногой и отпихнул окурок к Яну.
– Типа не такой, как все? – оскалился тот. – Вне стереотипов и правил?
– Дебил ты, Ян. Шел бы на хрен, – посоветовал ему я.
Он что-то крикнул мне вслед, но я уже не слышал. Последнее слово оставил за ним: было неинтересно продолжать разговор. Быстрым шагом спустился по лестнице и вышел на улицу.
Стоял обычный пасмурный день, пропитанный талым грязным снегом и выхлопными газами. Где-то позади меня остались Ян, соседи и кто-то еще.
До свидания, Саша. Прощай.

4

Все здешние улицы похожи одна на другую. Лабиринт из панельных новостроек какого-то немытого цвета. Каждый из этих домов успешно изуродует облик любого города. Но если город только из них и состоит, то это не безобразно. Это привычно.

В центре кипит жизнь, сверкают огни и возвышаются амбициозные стекляшки. Чем дальше от него удаляешься, тем явственнее этот узор. Нет, схема: ровный ряд безликих жилых блоков и автостоянки.

Тут вообще любят автомобили. И заправочные станции на каждом углу. Люди не успевают обзавестись приличным заработком, но уже приобретают тачку. Поэтому в этом городе уйма пробок, даже на окраинах. Соседская бабуля любит приговаривать, что они скоро в форточку лезть будут. На это я невольно ухмыляюсь – получается веселиться, когда другие бесятся.

Я живу здесь с рождения, но никогда не чувствовал себя как дома. Я не люблю этот город. В нем грязно, пыльно и стоит атмосфера кислого застоя. Иногда чувство ненависти к этому месту настолько сильно, что я ощущаю тошноту. Хочется проблеваться, а потом бежать прочь, пока эти блочные пеналы с горящими окнами не закончатся и я не увижу что-то другое.

Горизонт. Воду. Бесконечное пространство. Но это я вижу, только закрыв глаза.

Тем не менее на улицах я провожу больше времени, чем дома. Когда идешь, кажется, будто что-то меняется. Я двигаюсь, асфальт разлетается под ногами, и что-то становится иным.

Люблю ходить пешком. Я исходил вдоль и поперек весь город. Чаще всего меня можно найти где-нибудь в новых районах, где пока мало людей. Там пусто и постоянно идет стройка. Я брожу по пустырям, шатаюсь под мостами вонючей городской речки по прозвищу Поганка, которая зимой превращается в гигантский серый арык. Иногда взбираюсь на дамбу и торчу там много часов. Оттуда открывается вид на длинный извилистый путь реки, начинающийся где-то в горах. В эти мгновения я бываю даже счастлив, потому что чувствую ветер, и он говорит мне, что придет день, когда все на самом деле изменится: и мир вокруг, и я сам.

В тот день я шел по своему обычному маршруту, то есть просто прямо, и сам не понял, как оказался у реки. Зимой тут было пустынно, хотя весной часто бегали любители здорового образа жизни, гуляли парочки и извращенцы.

На улицах опасно, говорят все.

Но не более опасно, чем в вашей голове.

Я знаю это, потому что если сидел бы целый день дома, то спятил бы и, возможно, тоже повесился.

После смерти Саши самоубийство внезапно стало казаться до жути реальной опцией, потому что это случилось с кем-то, кого я знал.

Или думал, что знал.

Раньше я всегда рисовал примерно такую картину: мы все окончим школу, и он поступит на какой-нибудь технический факультет. Будет усердно учиться, станет асом в своем деле. Так же тихо, как жил, он вклинится в мир трудолюбивых, станет профессионалом, и с возрастом к нему придет уважение других людей, которого у него не было в детстве и молодости. Он встретит девушку, какую-нибудь тихоню, поддерживающую его замкнутый образ жизни, потому что она сама страшно застенчивая, и они поженятся. И у них будут дети...

Мне казалось, что я знаю его будущее. Но, как выяснилось, я вообще ничего не знал.

Я облокотился на перила моста, чувствуя, как холод сковал пальцы. Перчатки я никогда не носил. Вокруг постепенно начинало темнеть, и один за другим зажигались огни. Позади проносились вечные машины, но я едва различал шум их колес.

Изнутри жгло странное чувство, и неожиданно я нашел ему название.

Это была вина. Я как наяву видел перед собой его взгляд – птицы с обломанными крыльями, вспоминал силуэт висящего тела и понимал, что должен был его спасти.

Я ведь всегда его спасал.

Неужели его жизнь была настолько невыносимой? И кто в этом виноват на самом деле? Наш тупой класс? Его родители? Какая-нибудь девушка? Все же я – потому что пришел слишком поздно? Все сразу?

Это была бесконечная игра в вопросы, ловушка причин и следствий, в которую попадались все.

Картина перед глазами внезапно приобрела четкость. Я смотрел на окружающий мир и переливы света, а сердце вздрагивало все чаще и чаще. Меня охватило глубокое отчаяние, оттого что никогда не понимаешь, куда именно закралась ошибка. Я не знал, в чем она заключается, но она определенно была.

Это как чувствовать занозу в теле, но не иметь возможности ее вытащить.

5

Наша школа – самая обычная. Большое здание в центре города. В левом крыле – младшие классы, в правом – старшие. Она считается хорошей, потому что тут мощный преподавательский состав, а ученики побеждают в олимпиадах.

Но это только фасад. Ковырните его – и вам откроется другой мир.

В первую очередь, все не такое, как кажется. Главный подвох не в том, что здесь, как и везде, действуют двойные правила и запреты.

Все дело в проклятом возрасте.

Когда тебе шестнадцать, необходимо решать, кем стать. Весь подростковый период, в сущности, – одно сплошное самоутверждение. За счет атрибутов вроде смартфонов или бесконечных субкультур и противостояния. За счет других, в конце концов. Каждый пытается стать кем-то, но не знает, как сделать это безболезненно и легко. Никто и не говорит, что взрослеть приятно.

Самый доступный и примитивный способ самоидентификации в нашем возрасте – это противопоставление. Панки против рэперов. Гламурные фифочки против неформалок в черном. Качки против рахитиков. Двоечники против отличников. Русские против нерусских. Богатые унижают бедных. Кастовость и расизм. Показуха как единственное средство самовыражения. Изгнание из компании как самое страшное наказание. Бесконечные «свои» и «чужие». Дикие разборки на заднем дворе. Стенка на стенку. Зуб за зуб. Для нас это – обычная проза школьных будней.

Шестнадцать лет – самый ужасный возраст, и все на самом деле в панике. Пришло время стать кем-то, но никто не знает, кем именно. И от отчаяния мы кидаемся в крайности.

Чтобы остаться в точке покоя, я отстранился от всех, потому что не видел смысла в этих петушиных боях.

До сих пор считаю, что наушники и плеер – лучшее изобретение человечества.

Так я и жил в своем мире, а они – в своем.

Но бывают ситуации, когда люди вдруг становятся единодушны в своих взглядах. Смерть Саши, например, стала невероятно важной темой разговора, и все внезапно почувствовали необъяснимое участие.

Они решили как-то почтить его память. Всем классом организовали прощальный вечер. Алена раздавала приглашения и что-то деловито говорила про свечи. Ян и прочие прихвостни Кириллы обещали закупить еду. Все выглядело как нормальная человеческая вовлеченность в трагедию.

Оставалось надеяться, что это не скатится в обычную попойку.

Когда Алена всучила приглашение и мне, я шел по коридору в сторону холла. Был большой перерыв, и я думал свалить на крышу. Но она меня фактически подрезала.

– Ты же придешь? – требовательно поинтересовалась Алена сквозь пузырь пахучей жвачки.

Алена всегда занималась организацией различных мероприятий, которые выпадали на жизнь класса. Неудивительно, что и здесь впряглась.

– Нет, спасибо, – рассеянно отозвался я.

– В смысле? – протянула она. – Ты должен прийти, все там будут.

– И что?

– Это надо сделать. Он умер, понимаешь? Мы должны... почтить его, и все дела...

Я невольно выдохнул, чувствуя, что злостный ком обличительных слов, который я уже давно таскал у себя в груди, вот-вот вырвется наружу.

– Да вы же даже с ним не общались! Что вы вообще можете о нем помнить?

– Забей, – махнула рукой она, – ты же всегда не в теме...

И она ринулась с листовкой к кому-то еще, кто шел за мной. Промоутер от бога, что сказать.

Я с раздражением глянул на бумажку с адресом, а потом засунул ее в карман.

Ну и последняя характерная черта шестнадцати лет – большая любовь к церемониям, будь то пати на хате или вечер в честь умершего одноклассника. Я часто думал, что мы, подростки, стараемся имитировать образ жизни взрослых, даже не вполне понимая необходимость этого. Но чей образ жизни ведут взрослые – остается загадкой. Наверное, повторяют то, что запомнили в свои шестнадцать лет.

6

– Ты хочешь сказать, что не пойдешь на вечер памяти Саши? – спросила меня мама.

Она никогда ни на чем не настаивала, но я всегда чувствовал ее скрытое неодобрение. Мы ужинали, хотя было уже поздно. В тот день я опять вернулся домой на ночь глядя, что в очередной раз вызвало волну упреков.

– Послушай, ты можешь избегать мира, но рано или поздно тебе придется стать его частью.

Абстрактные заявления вроде этого были для нее редкостью.

– Я не вижу смысла в этой затее, – отозвался я, не чувствуя во рту вкуса пюре.

Она нахмурилась, глядя на меня поверх очков. Я смотрел в сторону.

– Сходи туда, Сергей. Это не самая плохая идея.

– Это необязательно.

– Да, тебя никто не заставляет. Но я считаю, что плохо не будет, если просто поприсутствуешь. Тебе что, все равно?

– А что это изменит для него? Как ты думаешь, – едко начал я, – он это почувствует? Ему это вообще важно?

– Тебе лишь бы спорить, – с досадой ответила мама и поднялась.

Собрав тарелки, она направилась к раковине. Я холодно следил за ее передвижениями, и враждебная струна между нами снова натянулась.

– Дело не в споре.

Резко обернувшись, она сердито спросила:

– А что подумают люди, тебя не волнует?

– Послушай, просто не говори никому, что я – твой сын, и можешь дальше общаться с другими людьми.

– Сергей, это неприлично! – крикнула она мне в спину.

Я быстро прошел к себе и закрыл дверь. Хотелось оказаться на самом краю земли, где только звезды и ветер. Но вокруг только серые стены. В какой-то момент я осознал, что не понимаю, насколько они реальны.

Мне показалось, что те же стены и внутри меня.

7

Не знаю, почему, но я все же решил пойти. То ли действительно из-за Саши, то ли потому, что в тот вечер на улице стоял странный привкус пустоты и не было смысла шататься по темным дворам. Я пошел, хотя все во мне этому противилось.

Встреча проходила в доме у Кирилла – нашей странной пародии на бомонд, вопреки пролезающим гопницким замашкам. Для других он и был этим высшим светом: его родители возглавляли фармацевтическую компанию и зарабатывали бешеные бабки. Не знаю, насколько Кириллу передался предпринимательский талант, но зарабатывать очки в обществе он умел. А еще чувствовал себя безнаказанным и делал что хотел.

Я никогда с ним особо не общался. Даже с Яном мы разговаривали чаще, чем с секс-символом семиклассниц. И к нему домой я шел в первый раз. Еще издали увидел, что окна на первом этаже погашены и в них, как светлячки, мелькают крошечные желтые точки. Алена и ее свечи.

Дверь открыла она сама. При виде меня у нее слегка вытаращились глаза, но она ничего не сказала, лишь посторонилась. Я вошел в прихожую, настороженно оглядываясь. Судя по звукам, все были в гостиной.

В сопровождении Алены в траурном наряде я оказался в их кругу. Здесь были мои одноклассники и много других ребят, вдруг почувствовавших неведомое участие к этой трагедии. Хотелось спросить каждого, что они здесь делают, ведь половина из них не знала Сашу.

В голове крутилась комичная фраза: «Кто все эти люди, где мои вещи?!».

В гостиной вдобавок царил несколько эзотерическая атмосфера: виной тому были все те же несчастные свечи. Это походило на обряд экзорцизма.

На столе стоял большой портрет Саши, увеличенный с какой-то виньетки. Он был там почти такой же, как и недавно. Светлые перистые волосы стояли дыбом, а глаза подслеповато щурились. Мне показалось, что он словно увидел меня на пороге и узнал.

Но это всего лишь фотография.

– Это же Сергей?

– Ага, друг Саши...

Шелест вокруг меня. Его имя, превратившееся в слово дня.

– Закуски и напитки там, – послышался где-то сбоку голос Алены, но я не обратил внимания, куда она указала.

В углу я заметил первые знакомые лица: Настю, местную красавицу, но уже бывшую подругу Кирилла. Рядом с ней примостились Ната и Вера (группа «Тату», как их называл Ян). Не знаю, были ли они на самом деле лесбиянками или просто баловались... Как ни странно, их никто не гнобил, и они даже собрали вокруг себя целую компанию подражателей. Я называл их про себя проводниками школьной сексуальной революции. У всех были похожие стрижки с косыми челками и хохолками на затылке, и вне занятий они носили исключительно мужские рубашки.

В другом углу я увидел Антона с Машей («пара года» – услужливо всплыл в голове голос Яна). Антон был бабник, Маша – вышколенная отличница, но не из-за мозгов, а по причине хорошей памяти. На какой почве они сошлись, никто не знал, и сейчас эти двое вовсю сосались, не обращая ни на кого внимания.

Конечно же, в центре крутился Ян, попивая что-то из пузатого бокала, и мягко вещал кому-то на ухо с хитрым лицом. Ян был не очень располагающим человеком, но одним из немногих, кто неплохо разбирался в людях. Почему-то мы постоянно друг на друга натыкались и начинали вести пассивно-агрессивную перепалку.

Вот и в этот раз он заметил меня и двинулся навстречу.

– Пришел-таки.

– Начинаю об этом жалеть.

Он только осклабился.

– А чего ты ждал? Большинство просто хотело потусить.

– Включите музыку, – посоветовал я. – А то унылая у вас дискотека.

Пора было уходить. Я понял, что глупо здесь оставаться.

– Ну, это уж слишком, – хмыкнул он. – Ты что, нас совсем за идиотов держишь?

Затем он поймал мой убегающий взгляд и проницательно осведомился:

– Зачем ты вообще приперся? Тебе тут не особо рады.

– Да и я – вам, ребят.

– Хотя, может, присядешь? Кирилл сейчас речь толкнет.

Я нехотя опустился на ближайший пуф. Ян растворился где-то в полумраке, и все выжидающе уставились на Кирилла. Он вышел в центр и пытался разобраться с микрофоном. Откуда-то, как черт из коробочки, выскочила Алена и стала ему помогать. Наконец-то они справились, и по комнате разнесся его чуть хрипловатый голос:

– Добрый вечер всем. Спасибо, что пришли. Я думаю, что Саша оценил бы. Не знаю, что надо сказать в такой ситуации, просто стараюсь говорить искренне. Это большая утрата для нас.

И он сделал паузу. Я не сводил с него глаз.

– Мы все любили Сашу.

Это было уже слишком. Я как наяву видел тот день в туалете, когда он со своими придурками держал его в кольце.

– Он был отличным, хотя немного странным парнем. – Голос Кирилла звучал нервно и неестественно. – Но мы все знали, что на самом деле он – хороший человек. И то... что с ним произошло... – это шок и потрясение для всей школы, особенно для нашего класса, ведь мы все очень дружны.

– Да неужели?

Все обернулись и уставились на меня. Свечи отражались в их глазах, и они казались пустыми и выжженными. Я не сводил взора с Кирилла.

– Ты называешь это дружным классом? – Слова уже сами отскакивали от губ, а внутри что-то закипало.

– В чем проблема? – ледяным тоном осведомился Кирилл. – Дай договорить.

Краем глаза я заметил любопытную физиономию Яна, который следил за мной как за тикающей бомбой. Я не раз замечал на его лице подобное выражение: у него ко мне словно был какой-то особенный интерес.

– Класс, в котором все гнобят друг друга, – дружный? Гонишь всякую чушь, как будто «Оскара» тебе дают. А на самом деле сейчас используешь мертвого одноклассника для поднятия своей репутации.

– Да пошел ты! – раздалось со всех сторон, но мне было все равно.

– Ничего, что ты у меня в гостях? – спросил Кирилл. – Если не нравится – вали. Тебя позвали из вежливости.

– Разве не твои дружки регулярно сталкивали Сашу с лестницы? – невозмутимо продолжал я, глядя ему в глаза. – А кто швырялся в него презервативами, наполненными водой?

– Это был не я! – возмутился Кирилл.

– Какая разница? Кто его оскорблял по поводу и без? И проходу не давал ни в туалете, ни в столовой? Дружный класс. Да, конечно.

Меня уже несло. Хотелось припомнить все, что было, выставить каждому счет. В конце концов, это же поминки.

Пара друзей Кирилла нарисовалась рядом со мной. Я хорошо знал их – их вообще все знали, они были в футбольной команде, а заодно молотили кого ни попадя.

– Пошли выйдем, – сказал один из них мне на ухо.

– Сам выйди, – огрызнулся я.

Ян тут же вклинился между нами, демонстрируя удивительную способность передвигаться в пространстве без звука.

– Так, без мордобоя, – предупредил он, а затем перевел на меня светлые глаза. – Серый, ты с дуба рухнул? Что ты докапываешься? Огурчик пожуй.

Я отправился к двери. Да, глупая затея с самого начала, я же знал, что не выдержу и все скажу им. За мной слышались тяжелые шаги, которые не приглушал даже ковер. Эти верзилы шли за мной. Спиной я чувствовал взгляды всех, кто смотрел мне вслед.

Выйдя на улицу, я наконец обернулся.

– Что прете?

– Тебя, по-моему, плохо воспитывают, – сказал один из них.

– Да пошел ты.

– Что ты сказал?

– Я сказал: отвянь! – гаркнул я.

Они смотрели на меня с легким недоверием, я же был готов к любому повороту событий. Драка? Отлично. Мне казалось, что по венам течет жидкая лава. В тот момент я ненавидел их всех, и если никто из них меня не ударит, сам наброшусь. Надо было уходить.

На крыльцо вышел кто-то еще. Я уже почти не различал звуков и образов.

– С этим Сергеем надо осторожнее. Я слышал, он в шестом классе кому-то челюсть сломал.

– Да, его же исключить хотели. Псих какой-то...

Они ринулись на меня одновременно, и я молниеносно пригнулся.

Когда дело доходило до драки, я превращался в другого человека. У меня не было мыслей, я становился сгустком безумной силы, которая хотела уничтожить и при этом быть уничтоженной самой.

Появлялась странная интуиция. Я всегда знал, когда увернуться, а когда, наоборот, врезаться изо всех сил. Они были крупнее меня раза в два. Но мне удалось их столкнуть, навешать каждому по лицу, еще и по почкам добавить. Были моменты, когда мне казалось, что я способен убить, и потом это назовут действием в состоянии аффекта.

Но они заслужили.

Тут один из них резво обернулся и врезал мне по скуле. Но кулак скользнул почему-то по лбу. Кажется, на его пальце было кольцо или что-то еще металлическое.

Бровь была рассечена мгновенно.

Глаз начало заливать чем-то теплым.

– Прекратите! А ну оттащите их!

Ян, Кирилл и еще пара парней. Я никого не мог узнать.

Я и себя не узнавал.

– Надо ментов звать.

Наконец кто-то меня схватил и сжал изо всех сил по бокам. Я пытался вырваться, но внутри меня уже что-то угасало.

Вдруг проступили холод улицы и запах снега. Изо рта валил пар. Я был здесь.

– Ну и псих...

– Намордник бы на такого надеть...

– Больной!

– Вообще больной...

– Урод! Иди сюда, мы не закончили...

Передо мной возникло лицо Яна, который с недоумением воззрился на меня и поинтересовался:

– Серый, где тормоза у тебя?

Почему-то в ответ захотелось улыбнуться, что я и сделал. Ян отшатнулся: видно, это было жутко.

– Захотел справедливость восстановить? – спросил снова он. – Дурак ты, Серый.

Ох, Ян. Он был одним из немногих, кто понимал всю извращенность этого мероприятия, но с удовольствием принимал в нем участие.

Руки, державшие меня, медленно разжались. Я отряхнулся и поправил куртку. Кровь уже затекла за шиворот. Рядом с Яном вылупился Кирилл, который со злостью таранился на меня с минуту, а затем рявкнул:

– Доволен, что все испортил?

Последнее, что я сделал, – это быстро и точно дал ему под глаз и побрел куда-то в ночь. За мной никто уже не стал гнаться. Все столпились вокруг согнувшегося Кирилла, и я слышал, что они собираются звонить в милицию.

Да ради бога. Телефонный номер 02.

Все это было неважно.

Я не думал о справедливости в тот момент, я вообще очень плохо себе представляю, что это такое. Битва за Сашу? Как комично и жалко. Иногда я очень плохо понимал, что пытался доказать и зачем.

8

Не помню, сколько часов провел, блуждая по темным переулкам. Бровь саднила, но потом я забыл про нее, потому что вокруг стоял острый холод, и внутри тоже все сковало морозом. Это была обычная реакция после драки: я становился словно неживым.

Перед глазамиплыли причудливые полосы света, изредка попадались люди, которые, завидев мое лицо, тут же отшатывались и стремились пройти мимо как можно быстрее. Я пришел в себя окончательно спустя несколько часов бесплодных скитаний.

Надо было идти домой.

Ноги несли меня на автомате, и я думал о том, что сейчас меня может ждать. На часы не хотел смотреть намеренно. И так знал, что уже очень поздно.

Во дворе дома я безотчетно поднял взгляд на свои окна. Они горели тревожным неспящим светом, и меня кольнули слабые угрызения совести. Я всегда чувствовал, что должен вести себя иначе по отношению к матери, но мне никогда не хватало силы воли. Или я недостаточно того хотел...

Когда я появился на пороге, она была как пушечное ядро, а глаза казались такими темными, что зрачки сливались с радужкой. Взгляд задержался на брови, а затем она втолкнула меня и быстро захлопнула дверь. В меня ударила ее ледяная ярость.

– Где ты был?!

– Не помню. Просто ходил.

– Уже два часа ночи! Два! Я должна быть на работе к восьми и из-за тебя уже вообще не усну! Ты не понимаешь, как мне тяжело работать без сна! Что с тобой было?!

Я присел на пол в прихожей и прислонился спиной к стене. Глаза закрылись, но я продолжал слушать. Она говорила, спрашивала и, не слушая ответа, снова что-то кричала мне в лицо.

– Ты же знаешь про вечер памяти? – Я слегка приподнял веки.

– Знаю! И что ты там натворил, я тоже знаю! Вставай сейчас же, надо заняться твоей бровью.

Я нехотя приподнялся.

– Все в порядке...

– Ее надо зашить.

– Ты это будешь делать сама?

Вместо слов она просто надела куртку и выволокла меня обратно в подъезд. Я еле шел. Уже не было никакого желания сопротивляться. Она быстро поймала такси, впихнула меня в салон, а сама села на переднее сиденье. Всю дорогу мы молчали. Таксист, пожилой дядька с флегматичными усами, косился то на меня в крови, то на нее, источающую обжигающее молчание. В итоге мы приехали в больницу неподалеку от дома. Я ее хорошо знал. Все мои драки в итоге заканчивались тут, где мне пересчитывали ребра и зубы.

Дежурный врач в травмпункте был свободен и занялся моей бровью. Не обошлось без тупых шуточек вроде «жить будет». Иногда от злости и скверного чувства юмора я думал, что было бы забавно помереть сразу же после таких слов. Но после самоубийства Саши шутить про смерть стало вообще несмешно.

Бровь надо было зашить. Там располосовали почти до виска.

– Заявление подавать будете? – равнодушно осведомился доктор, занимаясь моей раной.

– Нет, – хором ответили мы с мамой.

Он лишь зевнул и стал зашивать. Я ничего не чувствовал. Скорее всего, из-за наркоза. Но и кончиков пальцев я тоже не ощущал. Напала страшная апатия.

Через час мы уехали домой на очередном случайном такси. И все началось по новой. Мама рывком сдернула с меня куртку и засунула ее в шкаф, который заколыхался от того, с какой силой она закрыла дверцу.

– И о чем ты только думал?! – Мышцы ее лица казались неподвижными, но в глазах и голосе плескалась ярость с какой-то плохо скрываемой обидой.

– Я говорил тебе.

– И что с того?

Она гремела посудой на кухне, делая нам обоим чай.

Я безучастно следил за ее резкими движениями, слушая, как она громыкала чайником, а чашки жалобно стучались друг о друга. Лоб начинал оживать и ныть. Я не боялся физической боли. С ней можно сладить, если отключиться. Иногда, как бы странно это ни звучало, я мог покидать свое тело. Я отправлял себя куда-то глубоко внутрь, в самое безопасное место на земле, которое находилось во мне. Там было спокойно и хранилось все самое настоящее, искреннее. То, что нужно спрятать, прежде чем это уничтожат другие.

Но сейчас приходилось быть здесь. Я слегка поморщился от всего происходящего. Ее лицо тоже дрогнуло.

– Тебя кто-то заставлял идти туда и бить морду кому ни попадя?!

Возникла пауза, во время которой я почувствовал, что сейчас уже можно высказать и мою точку зрения.

– Они же издевались над ним. Ни во что не ставили. И тут этот парад лицемерия! Каждый считает своим долгом уронить скупую слезу. Всем-то он дорог. Знаешь, что хуже всего? Притворство. Уважение после смерти. А при жизни они с ним как с дерьмом обращались. Повесился, так сразу заслужил вечер памяти!

– С чего ты взял? Может, они были искренними.

– Ты их не знаешь.

– Я работаю с отцом Яна. Мне кажется, они все обычные ребята, это ты весь утыкан колючками, тебе нужно возразить каждому встречному. Ты совершенно не умеешь общаться с людьми.

– Почему ты всегда защищаешь тех, на чьей стороне правила приличия? Как можно так зависеть от чужого мнения?

– И когда уже твой подростковый возраст кончится?! – с раздражением воскликнула она.

Чай был разлит по чашкам, но к нему никто не притронулся.

Над глазом все болело, и я чувствовал себя измученным как никогда. Меня вдруг охватило отчаяние, которое возникло во мне в тот момент, когда я покинул квартиру Саши в день его самоубийства. Оно рассекало все нервы и спрашивало меня страшным, бесполом голосом: «А что если ничего не выйдет?».

Что если я никогда не смогу выбраться из своей бесконечной меланхолии, комы длиною в несколько пустых тревожных лет?

Что если день, когда все изменится, никогда не наступит?

Раньше я говорил себе: надо просто перетерпеть этот дурацкий период, и потом будет легче. Мне казалось, что с возрастом я стану счастливее. Я был слишком стар для своих лет. У меня не получалось веселиться, и легче было быть серьезным, чем беззаботным.

Потому что у меня были заботы.

Но теперь опять появилось ощущение, что я совсем заплутал, что все координаты, которые я сам себе выстроил, сбились и я что-то делаю неправильно. Все глубже ухожу в лабиринт самокопания и все меньше чувствую мир и других людей.

А если я никогда не вернусь?

И самое безопасное место, которое где-то в моей душе, на самом деле – тюрьма?

– Все дети как дети... А ты вечно дерешься, оскорбляешь учителей, учишь всех жить... Почему бы не быть как все? Просто живи и радуйся, – приглушенно звучало вокруг меня.

– А ты радуешься?

Судя по ее лицу и такому же сосредоточенному на себе и своих переживаниях образу жизни, она не следовала этому простому кредо.

– И почему ты постоянно все спихиваешь на мой возраст?

Я мрачно разглядывал ее со своего места. Устало подняв на меня абсолютно черные глаза, она бросила:

– Потому что раньше ты таким не был. В детстве ты был совсем другим: ласковым, сговорчивым... А сейчас испортился. То ли эта школа, то ли еще что...

Я невольно усмехнулся и поинтересовался:

– В детстве? И когда же это?

– В пять лет, например, мы с тобой жили душа в душу.

Я не выдержал и расхохотался.

– В пять лет? Мам, ты еще вспомни, что я в утробе делал! И ты думаешь, что я тогда был настоящим, да? А ты не думала, что тогда я был маленьким и ничего не знал? Ты не думала, что настоящий я сейчас? И легче сказать, что я испортился, чем принимать меня таким, какой я есть!

– Не ори, я тоже могу орать! Ты ни о ком, кроме себя, не думаешь! Я иду спать. Может, получится хоть пару часов.

Она стремительно выскочила из кухни, но задержалась на пороге. Пораженно взглянув на меня, мама спросила:

– И в кого ты такой пошел?

– В тебя, – лишь ответил я и тоже ушел к себе.

9

Эту историю как-то замяли. Я почему-то думал, вызовут полицию или родители Кирилла придут к нам и начнут требовать какую-нибудь компенсацию. Возможно, даже попытаются пристроить меня в колонию для несовершеннолетних. Но, как ни странно, дальше этого сборища история не пошла. Кто-то из них, конечно, позвонил моей матери еще тогда, иначе как бы она узнала.

И все пошло как обычно, за исключением того, что я нажил себе несколько страшных врагов. Их ненависть чувствовалась кожей. Уже переступив порог школы, я увидел этих громил из футбольной команды, а потом наткнулся и на подбитый глаз Кирилла. Остальные тарасились на меня с затаенным недружелюбием и старались обходить стороной. Похоже, все стали считать меня психом. Но я знал, что значит их молчание.

Все счета будут сведены в итоге между собой. Так работал наш мир.

Один только Ян спокойно и довольно поприветствовал меня, выполняя свою традиционную роль почтового голубя. Ему очень шло быть информатором, к тому же это давало определенную свободу действий. Он мог общаться с кем угодно, быть в курсе всех новостей, и одновременно никто не думал его бортануть. Как если бы он выполнял естественные для него функции. Но я всегда знал, кем был Ян на самом деле. У него не было никаких принципов, он просто искал выгоду.

– Ну ты даешь, – тихо присвистнул он.

Мы столкнулись в туалете. Я мыл руки, а он стоял у окна и, как обычно, разглядывал меня с этим выражением особого интереса на лице. Недоуменно покосившись на его долговязую фигуру, я задался про себя вопросом: что ему постоянно нужно от меня?

– Ты – странный человек, Сергей. Не дурак. Совсем не дурак. Но ведешь себя как изгой. Между прочим, до недавнего времени ты имел все шансы заобщаться с нормальными людьми.

– Тебе что-то нужно?

– Посмотри на себя, – вкрадчиво продолжил Ян, и я невольно перевел взгляд на свое отражение. – Ты вроде постоянно тыкаешь нам, что внешний вид для нас – все. Атрибутика, мол, понты... Такой тонкий, блин, анализ. А сам... ты сам разве не стараешься подчеркнуть этим свою... индивидуальность?

На меня глядел бледный парень с парой крупных ссадин на лице, зашитой бровью и обветренными губами. Глаза были матовыми и непроницаемыми, а из-за впалых скул я казался голодным и злым.

–носишь только черное, ходишь с подчеркнутой резкостью. Твой плеер забит адским металлом, и, спорим, ты хочешь себе татуху с черепом. Ты и так пугаешь людей. Если мы выйдем как понторезы, то ты – как конченный дебил. Тебе только осталось приклеить на лоб перечеркнутый знак «Стоп!».

Я повернулся и равнодушно оглядел Яна с головы до ног. Он был высоким, тощим, с торчащими кривоватыми ушами. Очень плохая, жирная кожа, она блестела даже в темноте. Рыжеватый ежик он пытался уложить в какое-то подобие прически, но выглядел как большинство парней в нашей школе, злоупотребляющих гелем для волос.

– Почему ты постоянно на меня смотришь? – спросил я. – Я замечаю твое внимание ко мне везде. Тебе хочется поговорить со мной.

– И что с того? Я люблю общаться с разными людьми, – не понял он.

– Но тебе нравится говорить со мной. Потому что ты чувствуешь во мне равного по интеллекту.

По его лицу пробежала молния растерянности, но Ян быстро вернул себе свой привычный саркастичный вид.

– Ну я же сказал, что ты не дурак. Эй, Серый, я хочу помочь тебе, правда. Я вижу, что ты мог бы быть другим. Не как Саша.

Его имя прозвучало как скрытый намек.

– Я с собой как-нибудь сживусь, спасибо.

– Подожди.

Я замер. Полуденный свет плескался на белом кафеле, и от этого в туалете все словно переливалось.

– Это правда, что все говорят?

– Что именно? – Терпение уже кончалось, но Ян словно не замечал моего раздражения.

– Что несколько лет назад тебя чуть не исключили? Что ты парня одного чуть до смерти не забил?

Я скользнул по нему равнодушным взглядом, а Ян выглядел даже слегка взволнованным: рот был приоткрыт, а в глазах что-то сверкало.

– Отвали от меня, Ян.

10

Когда мне было двенадцать, я действительно очень сильно избил одного знакомого. Тогда вещи воспринимались острее и любой поступок казался фатальным. Я жил в мире необратимых явлений, где все случалось раз и навсегда.

Мне никогда не хотелось причинять людям боль. Но в критические моменты я чувствовал необходимость врезать. Мне казалось, что удар по морде – это самое емкое объяснение, когда слова кончаются.

Это была дурацкая история о предательстве. Для меня многое значат отношения с другими людьми, если они все-таки задерживаются в моей жизни. Потому что их всегда мало.

С тем парнем, мне казалось, нам удалось подружиться. У нас были общие интересы, еще что-то...

Как ни странно, то, что тогда причинило мне большую боль, с годами размылось настолько, что уже невозможно было вспомнить истинную причину разлада.

Помню только, что он рассказывал всем подряд то, что я доверил ему: мои мечты и страхи. В двенадцать лет любая откровенность с другими людьми вдруг обретает оттенок интимности. Поэтому доверие является высшей ценностью.

Он посмеивался над моей чрезмерной серьезностью и говорил, что я маньяк. Сейчас это кажется мне комичным. Но тогда истинный вес слов преувеличивался, все казалось больше и страшнее.

И мы, разумеется, подрались. Помню привкус белого снега на губах, а также голубое небо, в котором дрожали грани хрусталя. Мириады бликов на снегу, день чистого волшебства и диссонирующий с этим эпизод недетской драки. Мы остервенело колошматили друг друга руками и ногами, а другие улюлюкали и делали ставки.

На самом деле все вранье, что я избил этого придурка до полусмерти. Мы навалили друг другу в равной степени, просто он поскользнулся и упал головой на бордюр, который под слоем снега было сложно различить, и потерял сознание. Он остался жив, просто перевелся из нашей школы по каким-то своим причинам. Но людская память – такая вещь, которая никогда не выпускает из себя воспоминание, не подкорректировав его в чью-то пользу. Иногда это происходит непроизвольно, а порой – умышленно.

Так за мной закрепилась репутация страшного изверга, чья жертва якобы перевелась из-за меня. Но меня мало волновали пересуды. Просто с тех пор друзей у меня не было. Все, кто общался со мной, стали держать дистанцию. Потом мы перешли в старшую школу, и все подзабылось. Приток новых впечатлений вытеснил этот эпизод из коллективной памяти. До недавнего времени.

Мне было нечего сказать Яну.

Никому из них.

Пусть лучше я останусь зверем и отщепенцем, но это лучше, чем общаться с «нормальными» людьми.

Каждый, кто с ними сблизился, в итоге становился таким же.

11

Близился Новый год, и везде сверкали елки, шары; виднелись олени и колокольчики. Раньше это завораживало. Я чувствовал в этом времени особенное волшебство, не присущее больше ни одному другому сезону. В снеге и этих праздничных символах таилось что-то сказочное.

Но в этом году я окончательно разуверился в чудесах. Олени уже не помогали.

С того дня, как я увидел мертвого Сашу, я погрузился в странную кому. Не чувствовал себя ни живым, ни мертвым и не понимал, как мне из этого выбраться. На заднем плане покачивался его труп, намекая на какую-то изнаночную сторону происходящего. Мы будто оба остались там, в реальности его квартиры. Он не выпускал меня, я не выходил.

Я стал курить по две пачки в день, понимая, что завожу себя в тупик. Мать уже давно подозревала это, но старательно делала вид, что не чувствует прокуренного духа, который появлялся в квартире раньше меня. Однажды она все-таки наткнулась на пачку сигарет, но лишь поморщилась и сказала: «Делай что хочешь».

Я начал курить в тринадцать лет, как и большинство подростков, – от нечего делать. Заодно отметил, что курение – средство социализации. Закурить, чтобы стать своим. Стрельнуть сигарету и стать вдруг ближе: объединенные одной дурной привычкой. Как только вы прикуриваете от одной зажигалки, вы можете заговорить.

Но дело было не в этом. Курение приравнивается к искушенности, а количество выкуренных сигарет сходит за отсутствующий жизненный опыт. Хотя, по сути, это абсолютно бесполезный процесс. Вдыхать и выдыхать дым не дает ничего, кроме закопченных легких. Значит, здесь какой-то другой смысл.

...Очень хорошо помню, что была осень: острый мороз, отсутствие снега. Желтые листья над головой и хмурое небо. Ну и я – унылый школьник, слоняющийся по дворам в одиночестве. Тогда у меня впервые появилось желание отрастить крылья и свалить отсюда к чертовой матери. Я ощущал тесноту, хотя вокруг меня была лишь пустота.

Одновременно у меня появилось и другое, не такое явное, желание – его я осознал много позже. Острая потребность облечь в слова все, что меня окружает. Я всегда понимал суть: это было какое-то интуитивное чувство формы и содержания, но познание ее происходило почти как ощупывание вслепую. Я наконец-то хотел дать всему, что чувствую, вижу и понимаю, имя и извлечь тем самым на свет.

Отсюда поперла моя честность.

Отсюда пошли драки.

Я просто хотел, чтобы вещи называли своими именами.

Но все названия вдруг оказались ложными.

Тогда я погрузил себя в вакуум и заткнул уши музыкой, чтобы не жить в мире неверных имен...

На самом деле на тот момент я был не более чем двенадцатилетним мальчиком, с ужасом обнаружившим в себе еще какой-то внутренний мир, который совершенно не считался с правилами внешнего. Оставалось только начать курить и стать конченным аутсайдером. Шатание по улицам было сродни паломничеству, а курение превратилось чуть ли не в таинство: так я с собой общался.

Сигареты стали средством самопознания.

12

Тридцать первого декабря мама позвала пару своих друзей, что обещало немного унылый вечер в окружении мисок с едой и шампанским в полночь. Некоторое время я уговаривал себя отсидеться в своей комнате. Это было моим эквивалентом «отпраздновать вместе».

Но последнюю неделю я безвылазно провел дома и понял, что если еще и эту ночь проторчу в окружении компьютера, кота и унылых стен, то спячу.

Временами у меня в голове что-то взбухало и стучала сотня молотков. Или же это был всего лишь мой пульс.

Надо исчезнуть из дома. В идеале мне нужен был человек, с которым я мог бы поговорить о чем-нибудь. Быть может, рассказать, как у меня дела, или же, наоборот, послушать его.

Но такого человека не существовало.

Исподтишка начало закрадываться подозрение, что все-таки мать права. Я дичаю. Одиночество хорошо до тех пор, пока оно не начинает вас уродовать.

Поэтому часов в девять я сказал, что иду к друзьям.

– Дай мне их телефон, – крикнула вдогонку она.

В гостиной уже сидели ее гости и о чем-то переговаривались под мигание экрана. Меня проводили с легким интересом, кто-то на заднем плане произнес избитую фразу про то, как я вырос.

Я все равно их не помнил.

Дверь захлопнулась за мной в тот момент, когда мама поднялась, чтобы догнать и выпытать какую-нибудь информацию о моих несуществующих друзьях. Стремглав я слетел с лестницы и выбежал из подъезда. Вокруг расцвел колкий мороз, и я глубоко вдохнул.

Глаза болели от непрерывного сидения за компьютером, и заснеженный двор показался мне чуть ли не скриншотом с монитора. Потерев их, я медленно побрел вперед. Через пару минут понял, что не так уж и холодно. Везде переливались огни, а машины вытянулись в длинную гирлянду. Опять пробки.

На свой страх и риск я сунулся в ближайший супермаркет. Потому что на самом деле люблю такие магазины. Как ни странно, в окружении товаров и миллионов наименований я расслаблялся. Мог часами шататься меж рядами, разглядывая все подряд: от ароматических свечек до разновидностей сыров.

В супермаркетах существует иллюзия выбора. В абстрактном смысле это были поиски свободы, которая представляла в виде йогуртов, подгузников и бутылок с пивом.

Так, посмеиваясь над собственными серьезными размышлениями и обезумевшими от праздника людьми, я дошел до винно-водочного отдела. В этом городе никто не требовал паспорт, достаточно было иметь хмурое небритое лицо. А в магазинчиках на окраинах водку и сигареты могли продать даже десятилетнему.

Но, вместо того чтобы выпиться, я решил, что лучше пойду на дамбу. Мне не хотелось потом спяну расшибиться на льду, хотя суицидники считают, что сочетание алого на белом смотрится выигрышно.

Так что я взял пару бутылок лимонада, какие-то крекеры и отправился в конец длинной очереди. Кишка из людей двигалась как в замедленной съемке, но торопиться было некуда. Надо пережить эту ночь, а потом... потом я что-нибудь придумаю.

На дамбу я добрался как раз к двенадцати. Я сел посередине, на мое любимое место, откуда открывался широкий обзор на весь город. Почему-то потеплело, и вдруг повеяло весной.

Невольно я вспомнил голубое небо, сливающееся с синим ледяным озером. То лето было хорошим. Хотя я не хотел это признавать.

Затем взгляд упал на мой невинный набор продуктов. Оказывается, я взял тот же лимонад, что мы пили с Сашей в последний день на озере. Бутылки утопали в песке, и это выглядело здорово. Я вскрыл горлышко и сделал глоток.

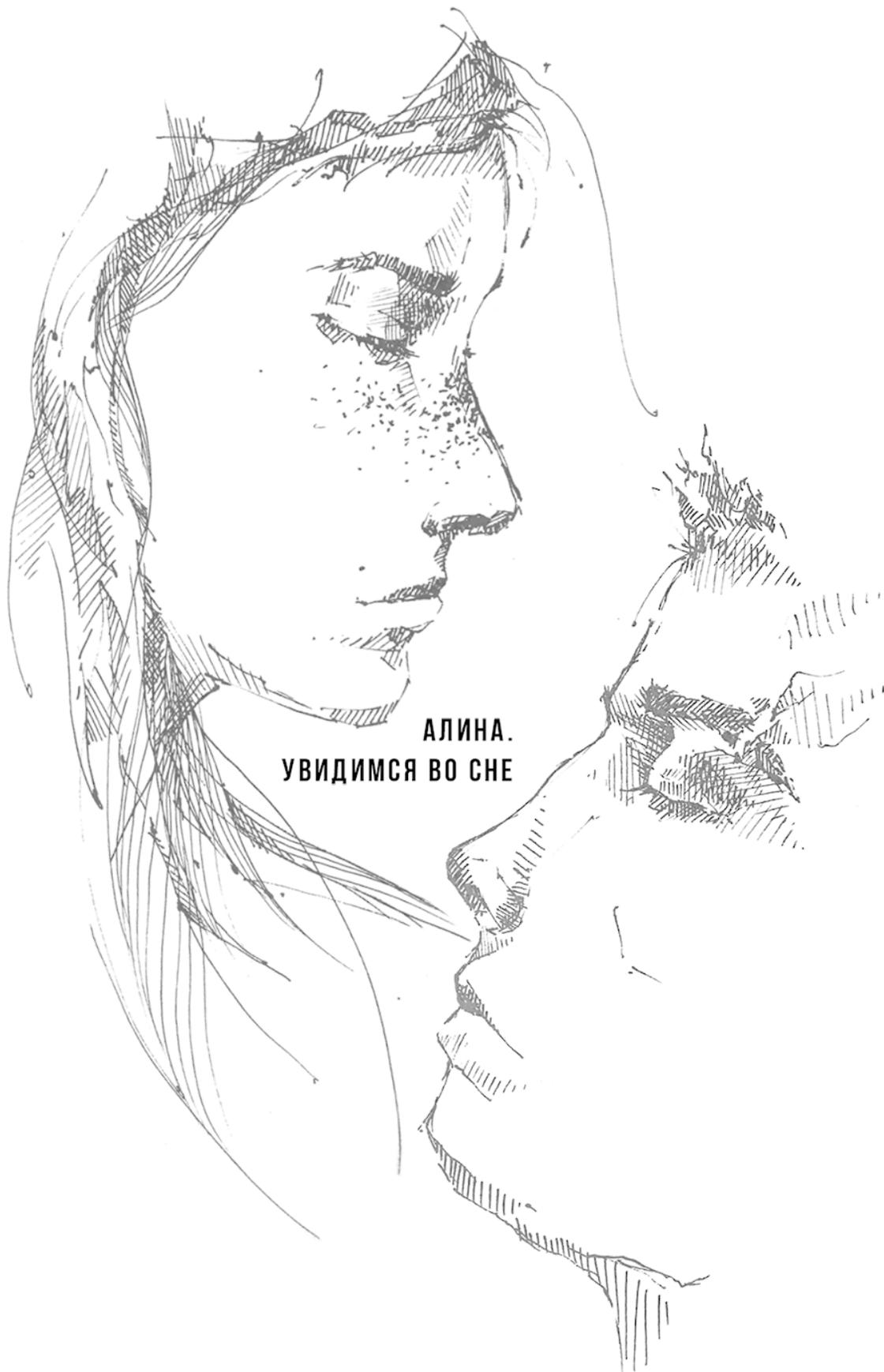
В этот момент небо разорвало от мириад искрящихся бликов. Салюты выстреливали со всех концов города. И в таком гнусном месте всем хотелось праздника. Даже мне, сидящему в одиночестве над городом с бутылкой лимонада и пачкой печенья.

Я чувствовал, что невольно в груди поднимается желание. Под искры и взмывающие в небо дорожки света я загадал: «Хочу, чтобы произошло что-то хорошее».

В тот момент мне не стоило быть одному, но и одиночество чувствовалось как-то правильно. Если бы Саша был жив, я вытащил бы его сюда, и мы смотрели бы на салют вместе. Но он умер, не дождавшись Нового года. Весь этот месяц я носил в себе образ его тела, качающегося на люстре, и чувство глубокого непонимания по отношению ко всему.

В тот момент под гром салютов я мысленно пожелал ему, где бы он ни был, счастливого Нового года.

Алина. Увидимся во сне

1

Ближе к февралю я почувствовал острую необходимость перемен. Дома по-прежнему появлялся редко, а школу воспринимал как назойливый фоновый режим. Тот опасный, шаткий период, когда смерть сидела рядом со мной на дамбе, я пережил. Потеря Саши приоткрыла дверь в другой мир, где единственное, с чем не можешь справиться, – это ты сам.

Передо мной запоздало стали вырисовываться контуры декабря смерти. Я ненадолго провалился в глубокую черную дыру, откуда ко мне взывала тысяча привидений, среди которых был и мой умерший одноклассник.

Казалось, что я был близок к чему-то страшному, что судьба Саши – это то, что могло случиться и со мной, потому что в некотором роде мы с ним очень похожи, хотя я не хотел себе в этом признаваться.

А после как рукой сняло.

Я понял, что снова дышу. Все ни шатко ни валко движется дальше, хочу я того или нет.

Я смотрел на свою мать, как она курсирует по нашей тесной кухне и бесконечно отчитывает меня за какие-то бытовые промахи вроде заляпанной духовки или неубранных вещей.

Я глядел на своих одноклассников и видел обычных ребят, которые просто умеют общаться друг с другом. Я же выискивал в других только врагов: так уж у меня складывались отношения с людьми. Но самым невыносимым был я сам, и от этого не убежать, даже если носиться по всем улицам как угорелый.

Все чаще я ловил себя на мысли, что бегу от чего-то, а не противостою, как мне казалось. Как если бы я держал оборону в башне: один, думая, что за окном толпы чудовищ и вражеских армий, и единственное, что все еще держит их снаружи, – это моя сила воли, превратившаяся в стены моей башни. Но постепенно я стал разбирать тишину, которая разливалась за пределами моего убежища.

Эта тишина говорила о том, что я тут один, что я ни с кем не сражаюсь.

Однажды, ранним воскресным утром, я уставился на себя в зеркало и увидел кого-то другого. Сквозь небольшое окошко под потолком в ванную струился неуверенный февральский свет, и я застыл в его потоке: полуголый, встрепанный, с бессонными, опухшими глазами.

Худое жилистое тело покрывали синяки, взявшиеся неизвестно откуда. Зажившую бровь теперь пересекал уродливый рубец.

Это был я. Тело уже практически лишилось подростковой угловатости, превращая меня в кого-то другого.

Происходило ли то же самое с тем, кем я был?

Я стоял около часа, вглядываясь в свои тревожные темные глаза, рассматривая тело, внезапно ставшее чужим, и пытался понять, где выход – выход из башни, которую никто не атаковал.

2

Мне вдруг захотелось найти себе применение, стать полезным, как набор столярных инструментов. В этой связи я впервые задумался об увлечении, которое шаг за шагом могло бы вывести меня в мир людей, где я, может, все-таки найду свое место.

Саша, как я уже говорил, много читал и любил изучать рыб. Полунаучное хобби. Однако оно мало помогало ему социализироваться. Тоже своего рода побег в себя.

Но были и другие примеры. Например, у нас учился Майк, энергичный и незамороженный парень, который очень любил стучать. В итоге он достучался до того, что ему приобрели барабанную установку, и он даже создал с ребятами из Интернета группу. Слушали их только

знакомые да их девушки, но это был в некотором роде клуб по интересам. Майк постоянно рассказывал, как они встречаются на каких-то гаражных вечеринках с другими группами и стучат уже все вместе. Эта разновидность хобби вела во внешний мир.

Но я таким талантом не обладал, хотя музыка была моим вторым пульсом, отмеряя каждый сделанный шаг, и я подменял ею до какого-то времени все.

В последнее время стало модно увлекаться фотографией. В нашем классе этим страдали Карина и Артур, но все их звали Кэнон и Никон – по марке камер, которые у них были.

Фотографию я тоже находил интересной и иногда снимал на свою небольшую пленочную камеру все те пустыри и стройки, где бродил после школы. Получались отстраненные, постапокалиптические снимки – может, в них даже что-то было. Но казалось, что фотография популярна потому, что это самый легкий вид искусства. Не надо овладевать штриховкой или проигрывать часами гаммы: просто наведи объектив и нажми на кнопку.

Еще я любил писать. Мне нравилось наблюдать за миром и затем укладывать это в слова, находящиеся для всего сами. Учителя отмечали, что мои сочинения чуть интереснее средне-статистических. Одна из них, которая как раз вела у нас литературу той зимой, подозвала меня к себе в начале января и сказала, не скрывая легкого любопытства:

– Сергей, скажи, ты никогда не думал писать просто так?

– Для чего? – осторожно спросил я.

– Я имела в виду, не только когда тебе задают.

– Например? – Я продолжал изображать непонятливого.

– Ну, допустим, для школьной газеты. Мы как раз ищем пишущих ребят.

В школьной газете заседал Ян, и я сразу сказал «нет».

Она чуть нахмурилась, поправив очки, а затем добавила:

– Дело твое, разумеется. Просто... знай. Ты талантлив, мог бы стать журналистом, а может, даже писателем. Я специально хотела с тобой поговорить... Меня поразила зрелость твоих рассуждений. Если бы я прочитала твое сочинение, не зная, что это писал школьник, то подумала бы, что автору не меньше тридцати.

Мои брови от удивления поползли вверх вместе со швом. Рана снова слегка заныла.

– Спасибо. Я подумаю.

Но я не хотел быть журналистом. Если я буду писать, то только для себя. Слова – слишком интимная вещь, чтобы ими разбрасываться перед другими.

Так я пребывал в поисках хобби, но ничего не подходило.

В глубине души я понимал, что не применение себе ищу. Мне просто хотелось наконец-то стать частью чего-то большего.

3

Однажды, бредя по школьному коридору, я случайно уткнулся взглядом в доску с объявлениями, где обычно висели всякие приглашения в кружки и реклама. Но внезапно взгляд выхватил что-то новенькое на ядовито-зеленом листе.

«Объявляется набор в школьную баскетбольную команду. Пробная тренировка и формирование команд 13 февраля в 17.00 в спортивном зале».

Зачем-то я прочитал объявление еще раз.

Вокруг стоял гомон младшеклассников, гуськом возвращавшихся из столовой. Из раздевалки завопили матом, а потом донесся нестройный смех...

Я рассматривал объявление еще минуту. Было как раз тринадцатое февраля. Ни о чем не думая, я отправился вечером на эту пробную тренировку.

4

Вообще-то, я не был высоким. Мой рост едва дотягивал до метра семидесяти пяти, и мама постоянно приговаривала, что я не подрасту, потому что мой отец, которого я не видел, был еще ниже меня. Но это не помешало мне все-таки достигнуть среднего роста, и я был не прочь остановиться на этой точке. Мой рост мне не мешал, он оказался удобным для моего телосложения, и пролезать меж зазорами и балками в заброшенных зданиях удавалось легко.

Вопреки моим ожиданиям, в секцию пришли самые разные ребята, даже одна девчонка, которую тут же отшили под предлогом, что набирается мужская команда.

– Да пошли вы! – крикнула она, показав гогочущим парням по среднему пальцу на каждой руке. – Это дискриминация по половому признаку.

– Прости, но у нас нет женских команд, – виновато развел руками тренер. – А среди парней тебе будет тяжело.

– Да пошли вы все! – сердито заявила она и гордо удалилась под нестройную ржачку.

Имелись и несколько среднестатистических типов вроде меня и пара человек с избыточным весом. Они-то и стали объектом новых шуточек, ведь после того, как девчонка ушла, дразнить стало некого.

Я скупающе подпирал стенку, не понимая, зачем я здесь. Но решил остаться до конца занятия: в конце концов, удрать можно всегда.

Тренер собрал нас в кучу и начал рассказывать про секцию. В нашей школе был только футбол, и этот клуб стал «инновацией».

– В идеале вас необходимо разделить по уровням физической подготовки. Но, так как нас немного, боюсь, придется играть всем вместе. Те, кто почувствует себя неуверенно, пусть сразу скажут мне, – с беспокойством добавил он. – Подумаем, что можно сделать.

Я скептически смотрел на тренера. Он был молод: похоже, только начал свою преподавательскую карьеру. Ему самому следовало бы набраться уверенности. Великаны наглово поглядывали на него исподлобья, один вообще жевал жвачку.

От скуки я, как обычно, включил свою внутреннюю Вангу. Ну, амбалы явно будут играть на ура: задорно и с самоотдачей. Они же будут задавать тон. Мы, средненькие, скорее всего, начнем ориентироваться на них. Но есть еще вариант развития, который я называю «темные лошадки». Кто-то из нас может оказаться лучше, чем сам о себе думает. Остальные будут болтаться меж всеми, а потом тренер, озабоченный некомфортным состоянием, отправит их в запасные или же они сами уйдут.

– Летом мы будем участвовать в межшкольных соревнованиях. И только от вас зависит, попадем ли в финал, а затем на междугородний уровень. Мотивирует?

В ответ разлилась красноречивая тишина. Тренер слегка покраснел, но сделал вид, что так и должно быть.

И мы начали с разминки. Как ни странно, во время занятий спортом мозги отключались сами по себе. Я никогда раньше не посещал спортивные секции, но быстро бегал. И внезапно эта перемена показалась здоровой.

Моя голова сама опустела. Я не задавал себе идиотских вопросов, на которые сам же искал ответы.

Это было то что нужно.

Тренер, несмотря на свой нерешительный вид, устроил нам адскую гонку, заставляя наматывать круги по огромному залу, а затем мы еще где-то час разминались на полу. С меня лил пот, и это походило на пробуждение.

Нас разбили на две команды и верзил разделили. Я застыл рядом с одним из них – кажется, он еще недавно жевал жвачку. Глянув на меня свысока, он спросил:

– Что у тебя с бровью? Кошка поцарапала?

– Нет, подрался.

– С кошкой?

Я ничего ему не ответил, и началась игра.

Мы были разгоряченные, но процесс шел тяжело. Возможно, проблема действительно была в том, что мы оказались чересчур разными. Внутри команд начиналась какая-то непонятная конкуренция. Мы словно состязались друг с другом и уже потом – с формальными соперниками. Под конец тренировки стало очевидно, что верзилы играют, скорее, между собой, даже находясь по разные стороны баррикад. Тренер, похоже, это тоже заметил.

– Так, стоп, стоп! – воскликнул он, когда один из них подрезал своего же. – Так не пойдет. Вы что, просто хотите погонять туда-сюда мяч? Тогда делайте это у себя во дворе! Здесь вы – команда, понятно?

– Понятно, – нестройно ответили ему.

На этом тренировка закончилась. Было уже десять вечера. Я быстро переоделся, закинул спортивную форму в рюкзак и внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я опять наткнулся на типа, сострившего про кошку.

– В чем дело? – спросил я.

– Что за хрень у тебя тут написана? – Он ткнул пальцем в принт на моей спине.

– Slipknot там написано. Группа такая.

Я старался звучать нейтрально, однако все равно выходило грубовато. Но больше не хотелось влезать в темные истории. Хотя на провокации я велся постоянно. Стоило кому-то заговорить со мной, как я инстинктивно напрягался.

– В первый раз слышу, – нахмурился тот, подавив то ли отрыжку, то ли икоту. – Я тебя раньше ни в одной секции не видел. А я тут везде ходил.

– А меня и не было ни в одной.

– Как тебя, говоришь, зовут?

– Сергей, – сказал я.

– Дэн. – И он протянул руку.

Я осторожно ее пожал.

– До пятницы? – спросил он у меня.

– До пятницы.

Выйдя на улицу, я зачем-то оглянулся, а затем закурил. Дым буквально зависал в воздухе, замерзая на ходу. Вокруг школы дрожали огоньки фонарей. Февральская морозная безысходность. Я повел плечами, выпрямился и пошел по одинокой промерзшей дорожке.

Никто тебя не атакует. Расслабься. Ложная милитаризация.

5

Моя мама – человек функционирующий. Это верно описывает ее отношение к жизни. Она работает в какой-то свинской конторе, где людей заставляют пахать даже в выходные. Но она всегда качественно и трудолюбиво выполняет свою работу. Найти себе что-нибудь менее напряженное она не может, ведь у нее есть я. Когда она злится, это звучит как упрек, и я иногда чувствую себя виноватым, что вообще родился. Когда она радуется за меня, – что бывает крайне редко, – я становлюсь смыслом ее жизни. И те и другие крайности мне не нравятся. Быть виноватым иногда кажется даже привлекательнее.

Большая ответственность – быть смыслом чьей-то жизни.

Сколько себя помню, всегда обещал себе быть лучше по отношению к ней, но никогда не получалось. Поэтому я только наблюдал, как она крутится и функционирует, приводя в движение маленький мир нашей трехкомнатной квартиры. Мне часто казалось, что это создание

иллюзии жизни, которой нет, потому что один из членов семьи всегда в себе, а другой всегда на работе. Кота это не касалось, ему было хорошо и без нас.

Иногда я думал, что она как Сизиф, толкающий в гору неподъемный камень. В этом камне были я с моими непроходящими проблемами, чертов быт, ее работа, какие-то болячки. Она постоянно съезжала вниз, но находила в себе силы толкать камень дальше. Иногда я с легким ужасом представлял, что однажды ее руки не удержат камень, и он покатится вместе с ней, и никто больше не будет толкать его вверх.

Камни надо толкать вдвоем или не трогать их вообще.

6

У нее был день рождения в начале месяца, когда март еще не отличить от февраля. Надо было купить какой-нибудь подарок, который ей понравился бы. Через них я старался показать без слов, что мое истинное отношение не такое равнодушное, каким кажется. Просто его сложно облекать в слова и всякие нежности.

Но с подарком попасть было непросто. Для функционирующего человека большинство вещей делятся на полезные и бесполезные. Ей сложно оценить красоту какой-нибудь милой репродукции на гениальный шедевр живописи, потому что это непрактично. Эстетические предпочтения у нее были, но хлам она не любила. Картина в данном случае стала бы хламом.

Полезными считались кухонные принадлежности, но у нас все было. Что еще подросток мог купить на свои скромные накопления?

В прошлом году я подарил какой-то шарф, и он вроде даже ей понравился. Угодить ее вкусовым предпочтениям в одежде оказывалось тоже сложно.

В итоге я побрел в наш торговый центр – огромное здание в пять этажей, днем и ночью служившее маяком для всех пьяных, замерзших и скучающих. Мы часто бывали тут с Сашей и еще с какими-то эпизодическими знакомыми. Можно сказать, что вся школа жила тут после уроков.

Я вошел в сверкающий холл и окунулся в запахи кофе и парфюма. Везде царил радостный гомон, а дорогу подрезали промоутеры с воплями: «Купи платную фигню и получи бесплатную фигню в подарок!».

Идей не было, я просто разглядывал витрины. Казалось, я должен увидеть что-то особенное, при виде чего в моей голове заиграет музыка, и невидимый шоумен подскажет: «Вот оно!». Я прошел мимо бутиков с дорогими шмотками, обувью, магазинов с часами и сувенирами... и внезапно наткнулся на новую витрину.

«Прованский сад».

Похоже, лавка открылась недавно. По крайней мере, пару месяцев назад ее тут не было. Я застыл напротив витрины, всматриваясь в людей и товары. Это было что-то вроде парфюмерного, где продавались дорогие шампуни, мыло ручной работы и все в этом духе. Возле полок столпились женщины, самозабвенно нюхая что-то в красивых флаконах, а вокруг них суетились продавщицы в розовых фартуках.

Пару минут я мялся, а затем вошел. Мое появление вызвало несколько недоуменных взглядов. В «Прованском саду» я, видно, не смотрелся.

Растерянно оглядевшись, я подошел к какому-то стеллажу, заставленному кучей разноцветных баночек.

«Скраб с лепестками роз» – прочитал я.

Одна из продавщиц постарше пристально разглядывала меня минут пять, пока я пытался понять различия между всеми этими банками. Краем глаза я следил за ней. Она что-то шепнула молоденькой продавщице, и та поспешила ко мне. Наверное, они подумали, что я – вор. На всякий случай я зачем-то пригладил волосы.

– Добрый день, – прошептала она.

Я покосился на нее, а она продолжала улыбаться. В этой улыбке не сверкал вышколенный дух сервиса, но назвать ее совсем искренней тоже не получалось.

Светло-каштановые волосы собраны в аккуратный хвост, чистая кожа и большие карие глаза. Пара веснушек на носу. Похоже, ей самой не больше шестнадцати.

– Могу я вам помочь?

– Я ничего не украду, – успокоил ее я.

Она слегка вытаращилась и сказала:

– Что вы, я вас ни в чем не подозреваю. Это моя работа – консультировать.

– Да я... – хотел было возразить я, но понял, что она мне действительно нужна. Я ничего не смыслил в этих склянках. – Короче, у моей мамы день рождения скоро. Ей нужно что-нибудь...

– Пойдемте, я покажу вам наши подарочные наборы! – с энтузиазмом воскликнула она и потащила меня к противоположному концу магазина.

Старшая продавщица наконец-то перестала на нас пялиться и отвернулась. Мы очутились около деревянных коробочек, набитых средствами по уходу за телом.

– Здесь очень практичный набор! Гель для душа с запахом персика, абрикосовый скраб для тела, мыло с отшелушивающим эффектом и молочко для тела с экстрактом авокадо. У нас все ингредиенты абсолютно натуральные! Более того, наша марка выступает за экологически чистое производство.

– Разве в Провансе растет авокадо? – спросил я, читая этикетку.

– Что? – замерла она. – Ну... у нас... э-э-э... широкий спектр... спектр... производства. Также мы принципиально отказываемся тестировать продукты на животных, что является...

– На ком вы их тогда тестируете? На себе, что ли? – усмехнулся я.

Она была забавной. Явно только вступила в должность. Некоторое время я с интересом разглядывал ее исподлобья, и она тоже таращилась на меня в нерешительности. Затем ситуация показалась нам обоим странной, и мы снова вернулись к склянкам.

– Или вот еще хороший набор, если твоя мать... извините, ваша... чувствительна к парфюмированным продуктам. Здесь исключительно гипоаллергенные компоненты и никакой отдушки. Только мыло оливковое, но это очень ненавязчивый запах, нейтральный... А если твоя... ваша мать предпочитает, наоборот, изысканные ароматы, то прошу пройти сюда... Сколько ей лет?

– Э-э-э... сорок пять.

– Тогда, думаю, нужно обратить внимание на эту коллекцию под названием «Марокканская роза». Этот утонченный запах очень подходит женщинам среднего возраста и прекрасно оттеняет их зрелую красоту.

– Зрелую красоту, – чуть ли не по слогам повторил я, впервые в жизни находясь под таким шквалом маркетинговой обработки.

Она испуганно заглянула мне в лицо, думая, что сказала что-то не то.

– Давайте... давайте «Марокканскую розу», – не очень уверенно проговорил я.

– Ага! – Она кивнула так, что ее хвост на затылке подпрыгнул.

Я был дезориентирован.

«Слишком много информации» – хотелось сказать мне.

И я так и не понял, в чем принципиальная разница между несколькими лосьонами. Но для женщин, выбиравших флакон уже полчаса, похоже, разница все-таки была.

– Не хочешь чего-нибудь для себя? – спросила она, оборачиваясь. «Алина» – мелькнул бейджик. – Прошу прощения, не хотите ли?

– Для себя?!

– У нас есть отличные мужские наборы.

– Нет, спасибо, – растерянно усмехнулся я, – у меня все хорошо.

Алина подавила смешок и добавила:

– Ну, необязательно ждать, когда все будет плохо, чтобы начать пользоваться, допустим, одеколоном после бритья!

– Сильный аргумент, – вынужден был согласиться я, – но, наверное, все же нет...

– Да ты попробуй, – она уже окончательно перешла на «ты», – есть классный. Пошли, подушу!

«Что ей нужно от меня?» – промелькнуло в голове.

Алина, не выпуская из подмышки мой подарочный набор, привела меня к мужскому стенду и ловко брызнула чем-то в шею. Запахло экзотическими травами.

– Здорово, да? Основная нота – бергамот и кедр.

– Пахну как свежий газон.

Она уже смеялась, и я тоже невольно улыбнулся.

– Ну, хотя... – нахмурилась она, – не твой запах. Тебе пойдет что-нибудь... шипровое, холодное, но глубокое.

И на меня опять что-то брызнули. В этот раз пахло лучше, но потом снова пробился бергамот. Я слегка сжал пальцами нос, чтобы прийти в себя после смеси запахов.

Ее взгляд тем временем упал на мои руки.

– Эй, ты что, без перчаток ходишь?

– Ну да.

– Руки надо мазать кремом, – деловито сообщила она, хватая мою ладонь и щедро выдавливая на нее что-то белое. – Давай втирай. А то потом как наждачка будут...

Обилие витавших здесь ароматов полностью лишало способности сопротивляться.

– Да скоро уже тепло будет, – хило противился я, и тогда она сама размазала крем по моей шершавой руке.

Мы снова посмотрели друг на друга, и стало как-то странно. Она вдруг смутилась и закруглилась:

– Ну, в общем... имей в виду.

– Хорошо, – кивнул я. – Я рассчитуюсь?

Меня подвели к кассе, и я заплатил за набор.

«Минус десять твоей фантазии», – сказал себе я, получая в руки нарядный пакет с лавандовыми полями.

Алина проводила меня до двери, а затем вдруг резко выпалила:

– Если что, заходи... просто так.

Я удивленно на нее посмотрел, она махнула мне и ушла к новому покупателю.

«Забавно», – только и подумал я.

7

Мама рассматривала набор с легкой растерянной улыбкой. Все выглядело очень красиво – они знали упаковочное дело в этом своем «Прованском саду». Алина наложила туда еще каких-то лепестков и прилепила их фирменную открытку с поздравлением, которую я коряво подписал.

– «Марокканская роза»... – с интересом произнесла она.

– Сказали, выгодно оттеняет зрелую красоту, – не удержался я от ремарки. – Ну... не знаю, просто подумал, женщины такое любят.

– Замечательный подарок! – воодушевленно ответила она.

Позже выяснилось, что отдушка ей не понравилась, но об этом она никогда не сказала. Я понял это по тому, что из набора мы использовали только мыло в виде розочки. Все остальное затерялось где-то на ваннных полках...

Мы сидели за столом, царила неловкая пауза. Несколько последних месяцев ожесточенной ругани вдруг сменились тишиной, в которой нам нечего было сказать друг другу. А день выдался солнечным, и снег грязными ручьями потек куда-то вниз...

- Как дела в школе? – спросила она.
- Нормально, – уклончиво ответил я.
- Учеба? Справляешься?
- Сойдет.

Я, как всегда, был очень «разговорчивым». Но я не понимал, как можно просто сидеть и рассказывать обо всем. Мне сложно давалось говорить откровенно даже о таких повседневных вещах, как погода или школа. Этого я в себе не понимал и оттого молчал еще больше.

- Ты ходишь на спорт какой-то?
- Записался в секцию баскетбола. А как ты узнала?
- Уже две недели подряд нахожу в корзине для белья твою спортивную форму, – снисходительно хмыкнула она. – Тоже мне загадка. Ну, спорт – это хорошо. Молодец.

И мне хотелось иногда спросить ее: «А что ты думаешь о наших с тобой колючих отношениях? Ну, кроме того, что я – ходячая проблема, а все дети как дети?». Есть мысли, которые человек подпускает к себе только наедине с собой. И они самые важные. Но максимум, на что я был способен, так это спросить, что у нее на работе.

И она рассказала бы мне долгую историю про какие-нибудь судебные тяжбы, которые ничего мне не сказали бы о ней. А задать вопрос напрямую я не мог.

Иначе получился бы откровенный разговор.

- Есть хочешь? – спросила она.
- Нет вроде...
- Предлагаю пойти в твой любимый торговый центр и съесть пиццу с грибами, которую ты так любишь.
- Мам, это же не мой день рождения.
- Ну, я тоже съем немного.

Она хотела провести со мной время. В свой же день рождения, на моих условиях. Такие я ставил в детстве, взимая взятки в виде фастфуда. Я вспомнил, что пытаюсь быть лучше.

- Да, пошли. Только возьмем то, что ты захочешь.

8

У нее были сложные пищевые предпочтения. Очень многое она не могла позволить себе из-за больного желудка, а то, что могла, выбирала с излишней придирчивостью. Поэтому вместо фастфуд-забегаловки мы выбрали дорогой ресторан вдали от фуд-корта, где из еды ворошили такие произведения искусства, что потом было жалко есть. Но это меня устроило. В фуд-корте обязательно попались бы одноклассники. Никто не хочет светиться где-то с родителями.

А в таких заведениях они не бывали.

Она заказала какие-то морепродукты, и мы пытались общаться. Выходило не очень складно.

- Зачем ты куришь?
- Я не курю.
- А зачем ты врешь?
- А зачем ты спрашиваешь, если знаешь правду и знаешь, что я совру?
- Так ты можешь сказать мне причину?

- Просто. Многое в этом мире делается без особой цели.
- Я даю тебе карманные деньги не на сигареты, понимаешь?
- Мам, давай сменим тему.

Беседа опять скатывалась в ссору. Я уже поглядывал на часы, а официант все не торопился. Я не мог долго находиться в ее присутствии: все казалось избыточным и во всем возникали перехлесты. Разговор оборачивался ссорой, а невинная реплика превращалась в хамство.

- Ты ничего мне о себе не рассказываешь, – с заметной печалью сказала она.
- Потому что у меня ничего не происходит.

– Что же должно произойти, чтобы ты хоть что-то рассказал? Мне иногда кажется, что ты как чужой в своем доме. Вернее... хочешь быть чужим.

Я глядел на ее усталое лицо: она выглядела моложе своих лет. Ей давали тридцать восемь навскидку. Но в чертах было много тяжести. Такое выражение образуется с возрастом от глубоких переживаний, и его уже невозможно спрятать за дежурной мимикой. Стоит только человеку остаться наедине с собой, как все сползает, как краска, и остается лишь одна грустная гримаса.

Мне хотелось обнять ее и попросить прощения за мое безобразное поведение: скрытность, грубость, курение – и за то, что демонстративно отсекал ее от своей жизни. Но на такой шаг я не мог решиться. Истинная трусость – в таких вещах.

- Спроси у меня все что хочешь.
- Не это надо было, конечно, сказать. Я словно оказывал какую-то милость.
- У тебя есть девушка? – мигом спросила она.

Я вытаращился, менее всего ожидая услышать такой вопрос.

- Нет.
- А нравится кто-нибудь? – с пристальным взглядом осведомилась она.
- Нет!

Она поскущичела. Принесли креветки с овощами и рисом. Все дымилось и вкусно пахло. Мы чокнулись. Она взяла белое вино, мне налили кока-колы по детскому тарифу.

- За тебя.
- И за тебя.

Обед прошел в молчании. Я чувствовал подавленность. Отчего? От неумения выразить лучшие чувства? Что я за человек такой? Мне даже хотелось плакать. Но я давился этими креветками и думал, что сейчас выйду и пойду на ту заброшенную стройку.

- Что будешь делать потом? – словно прочла она мои мысли.
- Погуляю... А ты?
- Я останусь тут.
- Зачем?
- В кино иду.
- Одна?
- Нет.
- А с кем?

– Ну... со знакомым, – с особым значением произнесла она, и у меня отлегло от сердца.

Значит, появился какой-то ухажер. Это радовало. Личной жизни у нее не было, растила она меня одна, но когда кто-то появлялся, она зачем-то давала мне знать и называла их «знакомыми». Я искренне хотел, чтобы один такой знакомый взял ее замуж и она была бы так счастлива, что забыла бы про непутевого меня.

Мы доели. Я как-то чинно поблагодарил ее за обед и оставил в ресторане допивать вино. На всякий случай спрятался за фикусом снаружи и ждал. Мне было важно увидеть, что ухажер и впрямь придет. Так и было. Зашел какой-то мужчина и подсел к ней. В руках у него был нелепый веник.

«Каллы на похороны приносят, дебил», – почему-то желчно подумал я.
Но дальше подсматривать не стал и побрел вниз.
О ней больше думать не хотелось. Я просто надел наушники.

*This was never my world, You took the angel away —
I killed myself to make
Everybody pay¹.*

Это пел Мэрилин Мэнсон в такт моему сердцебиению.
Я шел к выходу. Внезапно повеяло знакомой смесью душистых запахов.
«Прованский сад».

Я как раз проходил мимо магазинчика и увидел знакомые цветастые банки и флаконы и суетящихся вокруг клиентов девочек в розовых фартуках. А у прилавка стояла Алина и смотрела прямо на меня. Вдруг она счастливо улыбнулась и помахала.

Я не удержался от ответной улыбки. Ноги продолжали на автомате нести меня вперед, а в голове роились дурацкие вопросы. Ну зайду я, а дальше что?

«Спасибо, Алина, что натерла мне руки кремом, и правда стало лучше. А может, еще чем-нибудь брызнешь?»

Или банальное «как дела?», а потом ступор, потому что в итоге нам окажется нечего сказать друг другу... Из потока этих мыслей меня вывел хлопок по плечу. Один наушник выпал, и я обернулся.

Она стояла позади меня и продолжала улыбаться. Совсем не фирменной улыбкой «Прованского сада».

– Привет! – радостно воскликнула она.

– Салют, – усмехнулся я.

При свете окна, у которого мы замерли, я увидел, что ее волосы отливают рыжиной, а кожа очень светлая.

– Как... как ты? – спросила она, слегка переводя дыхание.

Похоже, бежала за мной.

– Хорошо, – не переставая нервно усмехаться, ответил я. – А ты?

– Отлично, хотя работы навалом... Вчера весь день клеили новые ценники. – И она закатила глаза. – Как маме твой подарок?

– Ну, она еще не пользовалась... Сказала, что красиво упаковано.

Алина лишь посмеялась. Я не мог перестать улыбаться. В ней было что-то светлое. Мне хотелось задать глупый вопрос, что-то вроде: «Можно я буду смотреть на тебя долго-долго?» или «А можно приходить в ваш магазин, чтобы просто увидеть тебя?».

– У меня сейчас перерыв! – сказала она.

– Может, тогда перекурим? – Я не нашел ничего умнее.

Она кивнула, хотя даже само слово «перекур» не вязалось с ее обликом. По дороге она захватила в каком-то кафе кофе на вынос, и мы вышли из торгового центра через боковую дверь для персонала. На заднем дворе было неожиданно грязно. Везде стояли грузовики с открытыми пустыми кузовами.

Я закурил, а она все это время пялилась на меня.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Сергей.

– А я...

– Алина.

¹ В этом мире никогда не было места для меня, Ты отнял моего ангела —И я убил себя, чтобы заставить вас всех заплатить.

- Откуда ты знаешь?
- У тебя бейджик на рубашке.
- А, ну да, – рассмеялась она. – И сколько тебе лет?
- Шестнадцать.
- Мне тоже!

Я слегка отвел руку в сторону, чтобы дым не шел на нее. Она уже и так отчаянно моргала, но вежливость, или не знаю что, не давала ей отойти в сторону или просто поморщиться.

– Извини, ты же не куришь, – заметил я, – я сдуру предложил. Тебе, наверное, хотелось поесть...

– У меня всего пятнадцать минут, – пожалала она плечами, – так что считай, я перекуриваю. Где ты учишься?

Я назвал школу, она – свою. У нее была какая-то гимназия, где половина предметов велась на английском. За двадцать минут я узнал об Алине многое: она любила поболтать.

В «Прованском саду» подрабатывает после школы в будни. Ей очень нравится вся эта косметика, парфюмерия, и в первый рабочий день она думала, что стресса в таких местах не бывает. Ошибалась. Клиенты попадались самые разные. Но Алина не собиралась бросать подработку.

«От хороших запахов хорошее настроение, понимаешь?»

Ее отец был профессором политических наук и преподавал в университете, а еще часто катался по всему миру с лекциями. Мама же – домохозяйка. Еще имелись братья-близнецы, но им было всего по два года. Недавно они завели собаку, сенбернара.

«Когда он вырастет, можно будет на нем катать близнецов!»

У нее была лучшая подруга, Вероника. Они дружили с тех пор, как она переехала в этот город. Она всегда ей обо всем рассказывала.

«Не могу иначе, я вообще открытый человек!»

Учеба давалась Алине легко, особенно английский. Она мечтала учиться в Лондоне, и с возможностями ее отца это было, в общем-то, реально.

«Он хочет, чтобы я стала экономистом, а мне нравится история искусств».

– А кем хочешь стать ты?

Я посмотрел на часы. Пятнадцать минут давно прошли.

– Мне кажется, тебя будут ругать, – заметил я.

Алина спохватилась, и мы побежали к «Прованскому саду».

– Слушай, ты что делаешь завтра? – спросила она.

– Да ничего...

– Завтра же суббота. Позавтракаем вместе во французском кафе Jour fixe, там очень вкусные завтраки! Это тут, на первом этаже.

– Да, давай. – Ситуация начинала напоминать день нашей первой встречи, когда она вовлекла меня в водоворот своих действий, а я только кивал и шел за ней вдоль банок с кремом.

– В десять! – весело заявила она. – Буду ждать тебя в кафе!

– Да. До завтра!

Мы смотрели друг на друга как идиоты еще полминуты, а затем разбежались.

9

С Алиной все вышло безумно и быстро. Только мы увиделись, как мгновенно пересеклись сотни тысяч совпадений, превратившихся в обстоятельства нашего знакомства. Но затем она взяла дело в свои руки. Сказала напоследок приходите даже просто так. И догнала меня, пока я против воли шел мимо, пытаюсь придумать достойный повод снова зайти в «Прованский сад». Она же позвала меня на завтрак в это французское кафе.

И я не пришел.

Я не проспал. Встал в восемь утра и закрылся в ванной. Теперь уже чахлый мартовский свет проливался сквозь маленькое окошко, а я смотрел на себя в зеркало, пытаюсь понять, куда меня вдруг понесла жизнь.

Все было очень внезапно.

Казалось, самая естественная вещь – пойти на свидание с девушкой и просто с ней поговорить, как минимум – подружиться, узнать, что она за человек и что есть в ее жизни кроме семьи, сенбернара и школы. Вполне нормальное поведение.

Но не для меня. Я чувствовал приступ паники. Что я могу рассказать Алине? Как блуждаю в себе под Bring Me the Horizon? Грузить ее метафорами о башнях и стенах, которые никто не атакует?

Она была словно соткана из света. В ее жизни царила приятная ясность. Я уже успел понять, что она относится к такому типу людей, которые не замыкаются в себе. Наоборот, они очень открыты, и мир любит их за это. Я принадлежал другой стороне жизни. Мне она не очень нравилась, но и оставить ее так просто не получалось.

Что я расскажу?

Меня часто бьют, и я бью в ответ.

Драки случались минимум раз в два-три месяца.

Постоянно хамлю учителям, потому что ненавижу дутые авторитеты и их злоупотребление полномочиями.

Что еще я расскажу? Что не вижу грани между хамством и искренностью и поэтому меня все терпеть не могут?

Что я до чертиков боюсь попробовать стать проще? Потому что, мне кажется, я не справлюсь там, где не надо быть грубым и злым, а можно просто открыться и показать свою человечность.

Что я ей расскажу потом?

Осмыслив свой убогий психоанализ, я оделся и пошел на стройку. Бродил там до обеда как идиот в наушниках, ни о чем не думая. Хотя в голову все равно лезла картина того, как Алина сидит в том кафе и ждет меня: она же упорная. Будет ждать час с лишним. Но никто не придет.

При мысли об этом мне хотелось взять лом и вдарить себе меж глаз.

10

Тренировки с каждым разом проходили все лучше и лучше. Мы перестали валять дурака, пытаюсь показать себя, и начали тянуться за каким-то командным духом. Один толстый паренек, как я и предсказывал, ушел сразу после первого занятия. Второй остался, заявив, что ему плевать, что мы там про него болтаем.

– Я хочу играть в баскетбол, понятно? Кому не нравится, можете валить сами.

Все заулюлюкали, но к нему больше не приставали, да и играть он стал лучше. Если кто-то показывает характер, он становится интереснее. Топтать же принято тех, кто не может оказать сопротивление.

Еще мы как-то естественно заобщались с Дэном. У меня вообще хорошо получалось случайно сходиться с людьми.

Когда никого не ищешь, все находятся вдруг сами.

Сначала я думал, что он накачанный придурок, целующий свои бицепсы. Про остальных его друзей из секции это оказалось правдой. Но Дэн был проще и дружелюбнее.

На самом деле его звали Денисом, но это имя ему не шло, и лаконичное недозападное «Дэн» отражало его суть лучше. Во время тренировок он бегал в угаре и орал на всех с озве-

ревшим лицом: «Шевелись, мокрица!». Поэтому его сделали капитаном. Однако после каждой игры на него снисходила нирвана, и он обнимал нас с блаженной улыбкой, даже если мы проиграли. Это было наглядным примером того, что происходит после выплеска агрессии в спорте.

Мы часто возвращались вместе домой. Дэн, как и Алина, принадлежал к типу открытых, разговорчивых людей. Я же любил слушать.

Он комментировал все, что видел. Мог спонтанно ввязаться в случайную беседу с прохожими и так же непосредственно из нее выпасть. Часами болтал про баскетбольные матчи, обсуждал игроков НБА и обожал Майкла Джордана и Яо Мина. А его любимой темой было объяснение, почему баскетбол лучше футбола:

– Это игра, в которой ход встречи может переломить разозлившаяся команда или даже один игрок! Баскетбол динамичен до чертиков, более подвижен. И вообще играть руками естественнее, чем ногами! К тому же в баскетболе надо думать головой! Ты можешь себя показать, играть по-настоящему красиво... Понимаешь?

– Понимаю.

Мне нравился баскетбол за его быстроту. Я очень любил скорость и мог ловко перемещаться с мячом, обходя всех вокруг. Но в кольцо попадал не всегда.

– Я не буду рядом, чтобы перехватить у тебя мяч, когда ты его доведешь! – драматично вещал Дэн. – Ты должен сам забивать, это просто практика!

– Мне нравится просто бегать между вами.

– Это тебе не эстафета между кеглей. Ты должен попадать!

В итоге мы стали приходить в зал пораньше, чтобы тренироваться швырять мяч в кольцо. Меня охватило что-то вроде азарта, который, наверное, передался от энергии Дэна.

– Размазня! – орал он, когда я в очередной раз промазывал. – Косой!

Это здорово злило, и я хотел уже попасть в кольцо наперекор ему. Дэн это понимал и обзывал меня еще хлеще. Правда, в итоге я швырял мяч в него.

– Делай так, – объяснял он мне, – смотри на то, как расположены ноги. Правую ногу немного вперед, если бросаешь правой. И колени согни! Когда бросаешь – кисть вверх!

Разумеется, мы говорили не только о баскетболе, но матч с соседней школой в июне был самой животрепещущей темой.

– Что за школа? – спросил я мимоходом.

– Какая-то полуанглийская... Там богатенькие в основном учатся и умники, – поморщился он.

Только в одной школе города уроки велись на английском.

Я ощутил произвольный укол в сердце.

Алина.

С нашей встречи прошло две недели, а я так и не извинился перед ней. Я просто пропал, хотя мысли о нашем несостоявшемся свидании изъели мне всю голову. Но если не знаешь, что делать, то не делаешь ничего.

Весна пришла, как всегда, стихийно, оборвав в одно мгновение сосульки и растопив весь лежалый снег. К середине марта он белел только где-то под мостами и в канавах. В воздухе трепетали странные, волнующие запахи. Каждую весну я чувствовал вес своих невидимых крыльев и хотел улететь туда, где никогда не был.

Я много мечтал о дальних странах, особенно о далеких северных, вроде Норвегии или Исландии. Я обещал себе, что однажды уеду туда. Все чаще я стал говорить себе, что найду себя в этом мире в самом неожиданном месте.

И этой весной я оказался действительно занят. Черда контрольных не оставляла времени на скитания по стройкам и пустырям, а баскетбол отнимал много энергии. Поэтому я вдруг перестал ловить себя на мысли, что меня беспокоит, кто я есть. А ведь раньше думал об этом постоянно. Значит, я выбрался из декабря смерти.

Однажды в раздевалке после очередной тренировки Дэн пригласил меня на какую-то вечеринку.

– Будет вся школа, – заявил он.

– Уже веский повод не ходить, – лишь хмыкнул я.

Он ухмыльнулся мне поверх майки, которую натягивал на себя.

– Но ты не можешь вечно прятаться, Сергей, – неожиданно сказал он слишком глубокую для него фразу.

Я перевел на него озадаченный взгляд, пытаюсь попутно пригладить мокрые волосы. Пальцы быстро скользнули по прядям: я плохо смыл шампунь.

– Не люблю эти сборища. А они не любят меня. Все честно.

– Да там будет куча народа. Пошли. Тебя надо накидать как следует. Странно, что ты не пьешь. Я думал, ты квасишь с какими-нибудь немывтыми металлистами в гаражах...

– Я курю за двоих. Это компенсирует отсутствие других вредных привычек.

– Да что ты к нему пристал? – подал голос Влад, другой верзила. – Нам не шибко хочется видеть таких как он.

Я ничего не ответил, памятуя, что с недавних пор больше ни во что не ввязываюсь.

– Я подумаю, Дэн. Спасибо.

Влад плавно передвинулся к нам и мгновение разглядывал меня с высоты своих почти двух метров с каким-то непонятным интересом. Я спокойно поднял глаза. В гляделки я играть умел. К тому же взгляд из-под моей рубцеватой брови выглядел еще более мрачным, чем раньше.

– Слышал про тебя, – медленно сказал Влад. – Ребята из твоего класса рассказали. Это правда, что ты отделал Андрея и Вову? Они у нас не слабые ребята.

– Да, – развязно ухмыльнулся я. – Дал обоим по челюсти, а потом столкнул лбами как болванки. А еще я как-то парня одного чуть до смерти не забил, и он заплел весь снег своей кровью. Что еще ты хочешь про меня знать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.